

КОСТЁР

СТРАНА СЛУШАЕТ СТАЛИНА

Алексей Сурков

Смолк на востоке гром орудий,
И в наступившей тишине
Вдох радости мильногрудый
Пронесся по родной стране.

Познав утраты и страданья,
Сквозь строй суровых лет пройдя,
Народы, затаив дыханье,
В молчаньи слушали вождя.
Была в словах его спокойных
Дней будущих благая весть.
Он возвестил — в жестоких войнах
Утверждена отчизны честь.

На западе и на востоке
В кровавых, яростных боях
Коварный, злобный и жестокий,
Фашистский зверь повергнут в прах...
Вождь говорил, и с каждым словом
Все шире открывалась нам
Дорога к небывалым, новым,
Как солнце, лучезарным дням.

Он говорил, и с каждым словом
Яснели в синей высоте
Те звезды, что в году суровом
Мы видели в своей мечте.
Они с Кремлевских древних башен
Сквозь ночь светили нам тогда.
В них было будущее наше —
Дни мира, славы и труда.
И вот он пробил, долгожданный,
Мечты свершенной светлый час.
Победной славой осиянный,
Великий вождь глядит на нас.

В Москве, в Тбилиси, в Сталинграде,
Повсюду людям виден он.
В его орлином ясном взгляде
Наш день грядущий отражен.

В школу

С. Погореловский

Словно сказочной, живою
Спрыснута водой,
Стала школа над Невой
Снова молодой!

На замке подвал глубокий —
Наш блокадный класс...
Где не раз гудки тревоги
Заставали нас.

Мы наверх взбежим гурьбою,
Глянем из окна.
В дымке — взморье голубое,
Балтика видна!

Рис. В. Бомаш

День осенний свеж и ясен,
Солнце в вышине
Золотит букеты в классе,
Карту на стене.

Золотит на карте горы,
Степи, города...
Это — Родины просторы
Наши навсегда!

И везде, —
В донской станице,
У Невы-реки,
Заливаются как птицы
Школьные звонки.

КУТУЗОВ

(К двухсотлетию со дня рождения)

Р. Сом

Рис. Григорьянца

Михаил Илларионович Кутузов был дважды тяжело ранен. Первый раз двадцати девяти лет отроду, когда пуля, попав в левый висок, вышла у правого глаза, и второй раз, когда пуля, прострелив щеку, вышла в затылок. Лечивший Кутузова врач записал: „Провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельна.“

Действительно, на долю Кутузова выпала трудная и славная задача: освободить в 1812 году Россию от вторгнувшихся в нее полчищ Наполеона и разгромить их. И Кутузов выполнил эту задачу блестяще.

Чтобы понять, как это удалось сделать Кутузову, нужно знать, что это был за человек.

Один из биографов Кутузова говорит: „С наружной красотой юноша соединял отважность, смелость, предприимчивость; имел нрав веселый, пылкий, необыкновенное любопытство обогащать ум свой разными полезными сведениями...“

Кутузов учился, обогащал свой ум везде и всюду: и в артиллерийском училище, в котором он пробыл до семнадцати лет; и учась у своих боевых наставников — замечательных русских полководцев — Румянцева и Суворова; и на полях знаменитых сражений, в которых молодому офицеру довелось участвовать; и, наконец, у своих противников, с которыми ему предстояло вести борьбу; он изучал их боевые приемы, их способы ведения войны.

Кутузов был отважен и смел. Свидетельств о храбрости Кутузова очень много. Достаточно вспомнить, при каких обстоятельствах он был

ранен в первый раз. В 1774 году, будучи уже подполковником, он со знаменем в руках шел впереди, увлекая своих солдат на штурм неприятельских укреплений.

Сам Суворов писал в донесении о знаменитом штурме крепости Измаил так: „Генерал майор Голенищев-Кутузов, который оказал новые опыты мужества и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, влез на вал, овладел бастионом, и когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов“.

Кутузов славился не одною только личной храбростью. Он умел умно обороняться и решительно, продуманно наступать. Он воевал, сочетая смелый, дерзкий план с расчетливостью.

Война с Турцией тянулась уже несколько лет, и, подстрекаемые наполеоновскими дипломатами, турки отказывались заключить мир с Россией. Между тем мир следовало заключить во что бы то ни стало, потому что день ото дня угроза французского нашествия на Россию становилась все очевидней.

Тогда главнокомандующим русской армией против турок был назначен Кутузов. Вот какой гениальный план разгрома турок разработал Кутузов и как блестяще осуществил его. В 1811 году Кутузов перешел на южный берег Дуная и нанес туркам поражение под крепостью Рушук. Турки были разбиты, но Кутузов не стал их преследовать. К безмерному удивлению окружающих, Кутузов приказал взорвать рушукские укрепления

и переправился со своей армией обратно на северный берег Дуная. Никто не мог понять, почему Кутузов так поступил. Он сам объяснял так: если, мол, погнаться за турками, они скроются в горах, и русским придется потратить много сил и времени, чтобы настигнуть их там и разбить. А теперь турки, окрыленные „отступлением“ русских, придут сами.

Случилось так, как предсказал Кутузов. Турки переправились вслед за русскими войсками на северный берег Дуная. Но тут их окружили и прижали к реке. В это же время снова на южный берег Дуная скрытно переправился большой отряд русских и отрезал туркам все пути отступления. В конце концов вся турецкая армия, свыше тридцати пяти тысяч человек, со всеми своими пушками сдалась Кутузову.

Это была замечательная военная операция, после которой турки сами стали просить заключить мир. И Кутузов заключил мир на выгодных для России условиях.

Кутузов был и великим полководцем, и крупным государственным деятелем, и тонким дипломатом. Будучи в 70-х годах за границей, Кутузов прекрасно изучил европейскую дипломатию. В 1793 году, когда надо было разрешить целый ряд сложных дипломатических вопросов с Турцией, послом назначили Кутузова, и он блестяще выполнил возложенное на него поручение.

Когда настал для России тяжелый 1812 год, и русские войска отходили под натиском огромных сил Наполеона, все русские люди хотели, чтобы главнокомандующим был назначен Михаил Илларионович Кутузов, испытанный и любимый полководец. Кутузов отлично понимал, что России важно не только победить и разбить Наполеона, — но и сохранить свою армию, чтобы выйти из войны сильной державой. И не только понимал, но и выполнил свою задачу, не дав Наполеону уничтожить русские армии. Великий русский баснописец Крылов сказал о Кутузове:

„... А потому обычай мой,
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой.“

Кутузов по прибытии к войскам начал готовить армию к генеральному сражению с Наполеоном. А солдаты говорили: „Приехал Кутузов бить французов.“ И вот 26-го августа 1812 года произошло Бородинское сражение. Генерал Ермолов (один из участников этой великой битвы) так сказал о бородинском сражении: „французская армия расшиблась о русскую“. Сам же Наполеон впоследствии говорил: „Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми“.

В своем донесении о Бородинском сражении Кутузов писал: „Сей день пребудет вечным памят-

ником мужества и отличной храбрости российских войск, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно; желание всякого было умереть на месте и не допустить неприятеля. Французская армия, предводимая самим Наполеоном, будучи в превосходных силах, не превозмогла твердости духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за свое отечество“.

Бородино явилось поворотным пунктом в ходе войны. Силы и дух французской армии были после этого боя непоправимо подорваны, и после недолгого пребывания в Москве, французы неудержимо покатались обратно. А Кутузов мастерски преследовал отступающих французов и наносил им тяжкие удары. Кутузов раньше других осознал, что армия Наполеона погибла, и он отвергал все мирные предложения Наполеона, выказывая этим свою мудрость и прозорливость. Так русская армия и партизаны под руководством Кутузова изгнали из России французов и уничтожили армию Наполеона... Позднее русская армия помогла народам Европы избавиться от ига Наполеона.

Эта замечательная операция Кутузова считается одной из самых талантливых в истории военного искусства. Кутузов побеждал потому, что он любил, знал русский народ и особенно хорошо знал русского солдата. Вот какой случай рассказывали современники Кутузова: преследуя Наполеона, Кутузов подъехал однажды к Измайловскому полку и спросил: „Есть ли хлеб?“ — „Нет, ваша светлость!“ — отвечали солдаты. — „А вино?“ — „Нет, ваша светлость!“ — „А говядина?“ — „Тоже нет!“ — Кутузов гневно сказал: „Я велю повесить провиантских чиновников. Завтра навезут вам хлеба, вина, мяса и вы будете отдыхать.“ — „Покорнейше благодарим!“ „Да вот что, братцы, пока вы станете отдыхать, злодей-то, не дожидаясь вас, уйдет.“ В один голос возопили гвардейцы: „Нам ничего не надобно — без сухарей и вина пойдем его догонять!“ При этих словах фельдмаршал произнес: „Какое счастье командовать такими молодцами“. И солдаты платили Кутузову настоящей любовью и беспрекословным повиновением.

Вклад Кутузова в сокровищницу русского военного искусства очень велик. Он создал свои военные приемы. Наполеоновскому способу ведения войны Кутузов противопоставил свой собственный. Он первый оценил значение народной партизанской войны. Недаром кутузовские операции приводятся как образец в уставах Красной Армии; недаром память великого полководца отмечена орденом его имени, которым награждаются военачальники Красной Армии за выдающиеся операции; недаром имя Кутузова было названо генералиссимусом Советского Союза товарищем Сталиным среди имен великих полководцев русского народа.

ВОЛШЕБНАЯ КУКОЛКА

Барвара Вольтман

Рис. И. Шабанова

Всем известно, что мальчики никогда не играют в куклы. А вот Маруся Кораблева из соседней квартиры уверяет, что видела у своего старшего брата Кости куколку, да еще в нарядном красном платьице. Когда я спросила Костю, правда ли это, он очень смутился. А потом рассказал целую историю. Мне кажется, он ничего не выдумал.

Однажды Костя получил единицу по географии, а добрая Вера Николаевна в тот же день поставила ему двойку за устный ответ по арифметике. Костя чувствовал себя очень обиженным. Он совсем неплохо отвечал на прошлой неделе. И что это — за привычка у учителей спрашивать два раза подряд!

„Вот хорошо бы знать, в какой день тебя вызовут, — думал Костя, возвращаясь домой. — Жаль, что на свете нет больше добрых волшебников.“

— Ох, ох!.. — громко вздохнул кто-то за спиной Кости. — Давненько никто не вспоминал про нас!

И перед мальчиком как из-под земли вырос маленький старичок в сером макинтоше с капюшоном и в огромных галошах на тоненьких ножках. Лицо у него было сморщенное, как сушеный гриб, а на кончике носа сидели круглые, похожие на автомобильные фары, очки. По правде говоря, Костя здорово испугался и охотно убежал бы от этого волшебника, но старичок крепко держал его за плечо своей маленькой рукой в кожаной перчатке.

— Как тебя зовут? — спросил волшебник.

— Ко-ко-ко... — начал было Костя, но старичок снял перчатку, повернул на указательном пальце тонкое золотое кольцо с зеленым камнем и сказал:

— Тебя зовут Костя, тебе одиннадцать лет, ты получил единицу по географии и завтра можешь опять получить единицу, если я не помогу тебе.

— Помогите! Пожалуйста, помогите, — воскликнул Костя, — и я подарю вам свою коллек-

цию марок, перочинный нож со штопором и билет в цирк.

— Я не собираю марок, не люблю ходить в цирк, и у меня уже есть три ножа со штопором, — сказал старичок, сморкаясь в огромный клетчатый платок, похожий на шахматную доску.

— Тогда я угощу вас мороженым и подарю журнал „Костер“ за весь прошлый год!

— От мороженого можно схватить грипп с ангиной, — проворчал старичок, чихая, — а „Костер“ я выписываю сам. И вообще мне ничего от тебя не нужно. Добрые волшебники никогда не берут платы. Я помогу тебе просто так.

Старичок порылся в складках своего макинтоша и достал маленькую, с костин мизинец, куколку в красном платьице.

— Что я, девчонка, чтобы в куклы играть! — обиделся Костя.

— Ай-яй-яй! Какой ты сердитый, — сказал старичок. — Это же не простая куколка, а Майка-Знайка. Стоит только поставить ее к себе на ладошку и сказать:

Майка-Знайка, дай ответ,
Спросят завтра или нет?

и куколка сейчас же тебе ответит. На то она и волшебная.

— Вот хорошо! — обрадовался Костя, осторожно взял куколку и поставил ее к себе на ладошку.

Майка-Знайка, дай ответ,
Спросят завтра или нет?

Куколка три раза повернулась на одной ножке и пропищала комариным голоском:

Урок учи внимательно,
Спросят обязательно.

— Тогда я побегу скорей заниматься, — сказал Костя и, наскоро попрощавшись с добрым волшебником, побежал домой.

Костя никому не показал подарок старичка. Если Маруся увидит куколку, она сейчас же начнет играть с ней и непременно разболтает всем ребятам, что школьник Костя принес домой куклу. И он спрятал Майку-Знайку в письменный стол под старые тетрадки.

Весь этот вечер просидел Костя над книгами. Сделал задачи и выучил наизусть басню Крылова. А по географии занимался так усердно, что мог бы показать на своей карте все моря и океаны, даже если бы его разбудили ночью.

Но увы, учительница не вызвала его. А ему так хотелось путешествовать указкой

по морям и проливам, мимо знакомых островов! Забыла про Костю и учительница русского языка. Напрасно он протягивал руку, точно собирался достать с потолка лампочку и привскакивал с места всякий раз, когда кто-нибудь из ребят сбивался во время чтения басни. Косте так и не удалось прочитать „Демьянову уху“.

Ну что ж! Куколка могла в первый раз ошибиться. Вечером, выпроводив за дверь любопытную Марусю, Костя поставил куколку на ладошку и сказал:

Майка-Знайка, дай ответ:

Спросят завтра или нет?

И куколка опять отвечала, что спросят. Делать нечего. Снова Костя просидел весь вечер за уроками, хотя ему очень хотелось поиграть во дворе в футбол.

— Заболел, что ли? — вздохнула мама, и пощупала, не горяча ли у Кости голова.

— Ничего не заболел. Он в куклы играет, — сказала Маруся, — я видела у него в столе ку...

Маруся не договорила. Грозный взгляд Кости остановил ее на полуслове.

А на другой день его снова не вызвали ни по одному предмету. Учителя точно сговорились не замечать его. Только когда Костя чуть не выскочил из-за парты с протянутой рукой, без конца повторяя: „Можно, я, — можно, я?“ — Вера Николаевна спокойно сказала:

— Кораблев, пожалуйста, не мешай заниматься!

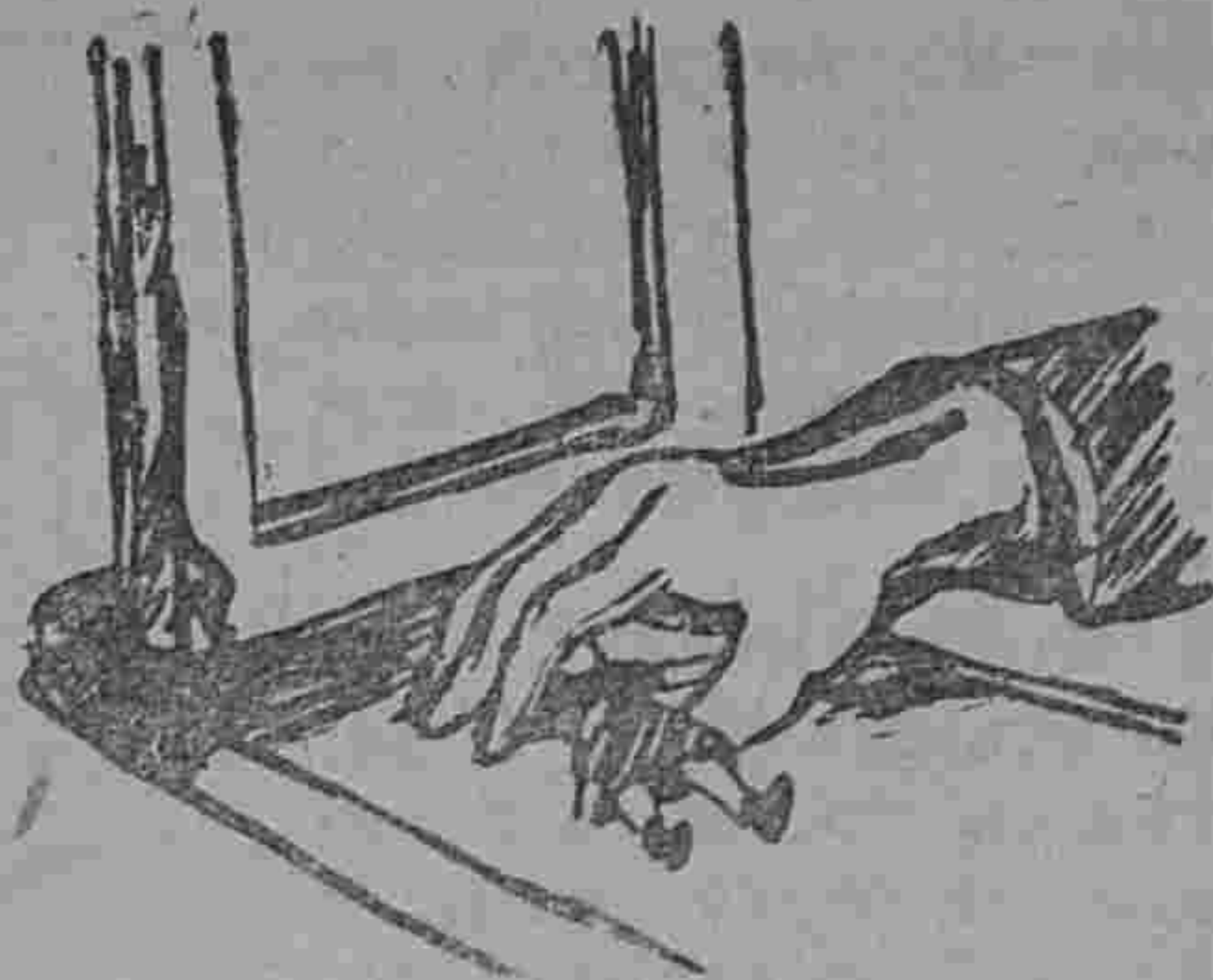
Нет, это уж было слишком! Костя очень рассердился на куколку и, придя домой, чуть не выбросил обманщицу за окно, когда и на этот раз куколка уверенно сказала:

Урок учи внимательно,
Спросят обязательно.

Что в самом деле, смеется она что ли? Теперь-то уж его не проведешь! Костя достал свой сачок и собрался идти ловить колюшек. Пусть куколка полюбуется, как он исполняет ее советы. Ведерко? Здесь! Кепка? Вот она. До свиданья!

Куколка равнодушно смотрела на Костины сборы своими бусинками-глазами и, как всегда, улыбалась, словно ей не было никакого дела до Кости. Убегая, он так хлопнул дверью, что чернильница-непроливайка чуть не перевернулась вверх дном.

Костя вернулся усталый и сразу лег в постель. Но едва он укрылся одеялом и свернулся калачиком, как увидел, что стоит в

классе, у доски, и не может решить задачи. Потом откуда-то появилась стенная карта, и Костя долго искал Кольский полуостров на берегу Каспийского моря, а указка в руках Кости превратилась в большую единицу.

Ну и сон! Костя вскочил с постели и поспешно достал дневник. Да вот она, прежняя единица! Неужели же завтра он получит новую? Косте очень хотелось спать, но глобус так и повернулся к нему синим Индийским океаном, который они проходили, а задачник раскрылся на той самой странице, где была заданная задача. И Костя потушил свет только когда кончил все уроки.

Когда Костя утром ушел в школу, Маруся увидела забытую на подоконнике Майку-Знайку. Она хотела взять ее, но в ту же минуту

чья-то рука протянулась к куколке с улицы, и кто-то сказал:

— Ну, кажется, теперь ты здесь не нужна!

— Как не нужна? — испугалась Маруся, но куколка уже исчезла. Маруся высунулась из окна. Нет, на улице никого не было. Только, прихрамывая, поворачивал за угол дома какой-то старичок. Уж, конечно, это не он взял куколку!

— Ребята, — сказала Вера Николаевна, — сегодня у нас контрольная, вы не забыли?

Контрольная? Ох!.. Сердце у Кости стучало, как метроном во время воздушной тревоги.

К удивлению всего класса он первый закончил работу. Вера Николаевна даже протерла платком очки, раскрыв его тетрадь: аккуратные столбики цифр выстроились, как на параде. Может быть, задача списана? Этого добрая Вера Николаевна не прощала никогда. Она подошла к костинной парте и взяла тетрадку его соседа, Мухина. Нет, отличник Мухин еще не справился с задачей. В чем же дело? На следующем уроке Вера Николаевна вызвала Костю к доске и задала

ему несколько вопросов из пройденного. Костя отвечал без запинки, сам удивляясь, какими простыми и легкими кажутся ему теперь эти десятичные дроби, которых он так боялся раньше.

Домой Костя мчался, как камешек, пущенный по воде. Ему хотелось поскорее показать свою пятерку маме с Марусей и поблагодарить Майку-Знайку. Теперь-то он убедился, что она была права.

— А твою куколку кто-то с окна унес, — сказала Маруся, встречая его на пороге.

— Никаких кукол у меня не было, — отрезал Костя. — Есть мне время в куклы играть! — Он достал свой дневник. — Видишь?

Вот и вся история. Костя Кораблев теперь очень часто получает пятерки. Наверное, вы скажете, что это все-таки куколка помогла ему! Костя и сам так думает. Проходя мимо кукольного домика, он с любопытством и уважением поглядывает на марусиных кукол.

Кто знает, может быть они тоже волшебные? Лучше не ссориться с ними и не дразнить их. Вот почему Костя смастерил куклам такую чудесную мебель: стол, кресло и настоящий диван со спинкой.

А добрый волшебник? Он так и не появлялся больше. Правда, как-то раз Костя встретил его в троллейбусе и сейчас же уступил ему место. На старичке был тот же серый

макинтош и большие галоши. Но он сделал вид, что не узнал Костю и молча уселся на кожаное сиденье. Только когда Костя выходил из троллейбуса, он слышал, как старичок сказал своему соседу:

— Вот этот мальчик непременно перейдет в следующий класс, потому что он каждый день...

Троллейбус тронулся, и Костя не расслышал конца фразы. Но он отлично знал, что хотел сказать волшебник. И вы, наверное, тоже догадались, что хотел сказать старичок?

О С Е Н Ь

А. Генкина

Туманы клубятся
Над речкою синей,
Уже не роса на рассвете,
А иней...

Тяжелые тучи
Над лагерем мчатся.
Окончилось лето.
Пора разъезжаться.

Зашиты мешочки
С сухими грибами,
На каждом мешочке
Мы вышили: „Маме“.
В тяжелые папки
Гербарий запрятан.
Шагаем к вокзалу
С повозками рядом.

Из окон вагона
Платочками машем
Знакомым дорогам,
Чернеющим пашням.

Над полем, над речкой
Мы птицей несемся:
„Прощайте, прощайте,
Мы летом вернемся!“

А утром мы вышли
Ни к речке, ни в поле,
Мы утром подходим
К знакомой нам школе.
Мы выросли вдвое —
Нам тесно на парте.
Друзья, подойдите
К развернутой карте!

Поищем, — но только
Найдем мы едва ли,
То самое место,
Где мы загорали,
Где были палатки,
Где рыбу удили,
Где нас на рассвете
Горнисты будили.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ЗНАЧОК

И. Иволгин

...К прифронтальной станции подходит тяжело груженный товарный поезд. На платформах — укрытые брезентом танки.

Молодой начальник станции, пропуская вне очереди этот срочный состав, передает жезл кондуктору и желает машинисту счастливо довести поезд до места назначения. Он предупреждает: в пути можно ожидать налетов немецкой авиации.

Впереди возможны опасности, но все знают, что боевой груз будет доставлен на фронт вовремя. Ведь у машиниста, и у многих бойцов, конвоирующих состав, на защитных гимнастерках скромные комсомольские значки.

...В тесном блиндаже собрались молодые бойцы, они ждут приказа о наступлении. Закончены последние приготовления к бою, все побрились и надели белые подворотнички. В эту минуту многие вспоминают дела последних дней: кто получил первое боевое крещение, кто отличился в бою, кто привел языка, кто... — разве можно перечислить все подвиги, совершённые этими бойцами?

И все они хотят идти в бой комсомольцами. „Мы готовы отдать свою жизнь за любимую Родину, по примеру Матросова и Чекалина, по примеру Зои и краснодонцев“, — говорят они. И, верно, они идут в бой комсомольцами.

...Ни днем, ни ночью не прекращается работа в высоком цехе большого завода. Каждую минуту с конвейера сходят грозные танки, чтобы поступить на вооружение Красной Армии. Здесь, рядом с опытными старыми мастерами, работают юноши, девушки, еще недавно учившиеся в школе или в учебных мастерских ремесленного училища, — это члены комсомольских фронтовых бригад. Они работают так хорошо, так дружно, что не отстают от старших, опытных товарищей.

Посмотрите на их черные, промасленные спецовки: как гордо носят свои комсомоль-

ские значки эти юные рабочие, члены фронтовых бригад!

...Вы слышите, какая веселая, бодрая песня льется из-под крыши шестизэтажного здания? Это поют девушки, которые работают в люльке. Еще недавно над этим домом рвались немецкие снаряды, с ревом проносились фашистские бомбардировщики, прорывавшиеся к городу. А теперь уже заделаны зияющие раны на стенах прекрасного здания, уже закончены штукатурные работы, и осталось только восстановить причудливые лепные украшения карнизов. Скоро все здание окрасится в золотисто-желтый цвет. Это дело тех девушек-маляров, на комбинезонах которых виднеется комсомольский значок.

...Широкое поле. Поглядишь, и кажется, что нет конца этому золотому простору. Под легким летним ветерком колыхаются спелые колосья созревшей пшеницы. Идет комбайн. Сыплется в мешки золотое зерно, и медленно тянутся к железнодорожной станции перегруженные телеги.

Комсомольские значки украшают и грудь молодого комбайнера, и косоворотки парней, нагружающих возы, и куртки совсем еще молодых ребят, степенно шагающих вдоль дороги, рядом с телегами.

Комсомольский значок! Это маленький флажок, а на нем пять золотых букв: ВЛКСМ. И молодежь гордится им: этот маленький красный флажок — символ непобедимого знамени большевиков. Небольшой скромный комсомольский значок — символ боевых знамен, с которыми комсомольцы шли в бой — символ трудовых знамен, которые молодежь подняла на строительстве Комсомольска и Московского метро, в шахтах Дона и Кузбасса, в Магнитогорске и Хибингорске, — везде, где комсомольцы отдавали все свои силы на благо Родины.

Комсомольский значок — это маленькое изображение того великого знамени, на котором сверкают три ордена.

ПОВЕСТЬ

(Продолжение)¹

Е. Боронина

Рис. Б. Семенова

ПОЧТИ У ФИНИША

И вот наступил новый день. Я встал одновременно с мамой, она уходила на завод в семь утра, наскоро попил чаю и побежал за Бобом. Дверь мне открыла „доктор ледяных наук“.

— Боб дома? — спросил я. — Он уже встал?

— Дома, встал, заперся в ванной и принимает холодный душ уже целый час! — сказала Татьяна и умчалась в свою комнату.

Я постучал в ванную.

— Боб, открой! Это я!

— А Татьяны поблизости нет? — прошептал Боб.

Я заверил его, что Татьяны поблизости нет. Боб впустил меня в ванную и тотчас же закрыл дверь на крючок. Он был в одних трусах, и я не сразу понял, что с ним произошло. Все лицо и шея у него были в грязных полосах, а правая рука до самого плеча была совершенно черного цвета.

— Я добываю голландскую сажу! — пояснил Боб, заметив мое недоумение. — Необходимо подмешать ее в синюю краску, иначе печка получится не в тон обоев.

Вскочив на край ванны, Боб запустил в отверстие дымохода до самого плеча правую руку с зажатой в ней суповой ложкой.

— Вот, пожалуйста, сажа первый сорт! — Боб извлек ложку. В самом деле, в ложке была щепоть совершенно черной сажи.

— Понимаешь, — сказал Боб, — чем дальше от топки, тем сажа лучше. Вот прочти! — и он показал ложкой на книгу, которая лежала на умывальнике. Это был один из томов старинной энциклопедии — подарка дядюшки-художника. В статье „Сажа“, внизу мелким шрифтом было напечатано: „в ближайших частях к топке осаждается содержащая смолистые

вещества сажа, служащая для изготовления бурой краски, а в более отдаленных — более легкая, черного цвета и потому более ценная“.

— Теперь сажи хватит! — Боб соскочил с ванны и высыпал вновь добытую порцию сажи в железную баночку.

Поставив на место вьюшку, Боб принялся мыться. Но сколько он ни мылил руки и лицо, белее они не становились. Повидимому, в самом деле, это была первосортная, несмываемая сажа...

Наконец, с помощью тряпки, смоченной керосином, Боб все-таки справился с несмываемой сажой.

Осторожно мы прокрались в столовую, и Боб положил в ящик буфета суповую ложку.

— Понимаешь! — шепнул он, — ложка-то серебряная. И от „доктора“ мне здорово влетело бы!

Встретившись с Сеней, мы на этот раз без всяких приключений добрались до квартиры Людмилы Ивановны. Осмотрели потолок и кухню и остались довольны своей работой. Нигде ни пятнышка, ни затека. У тетушки уже был готов и клейстер для обоев.

Не медля, Боб занялся приготовлением красок для кухни, печки и двери (он выбрал для панели светлозеленый цвет). С помощью добытой им голландской сажи он добился такого оттенка для новой печки, что она как бы сливалась с фоном обоев. Обои были темносинего цвета с приятным, волнообразным рисунком.

Как только все подобные работы были закончены, мы, вооружившись тряпками, смыли с пола следы побелочных работ. Мария Николаевна очень благодарила нас за эту услугу.

— Вечером придет племянница и не узнает квартиры! — радовалась она.

За какой-нибудь час я и Сеня выкрасили панель на кухне, заодно и раковину и даже полку для посуды.

¹ См. начало повести в „Костре“ № 5, 6 и 7–8.

Но едва я провел в последний раз кистью по полке, как Тяпа прыгнул на плиту, а от туда на полку. На свежей краске остались следы его лап!

Во избежание дальнейших вредительских действий котенка, его заточили в клетку для птиц, обнаруженную Сеней в кладовке. Наш пленник с горя свернулся клубком и заснул.

Боб, вооружившись настоящим гусиным пером, вырезанным бороздками, с наслаждением разделял дверь „под дуб“. Он то отходил от нее и, прищурив глаза, застывал в созерцательной позе, то стремительно бросался к двери и проводил гусиным пером по свежему слою краски. Теперь его живописная деятельность была куда успешней, чем два дня тому назад.

— Крокодилы несчастные! Я же говорил вам, что все дело в гусиных перьях! — поминутно твердил Боб.

Но у меня с Сеней дело подвигалось не столь успешно.

Если вас, мои читатели, кто-нибудь будет убеждать, что нет ничего проще, чем оклеить комнату обоями, не верьте. Помните, что вас будут ждать суровые испытания.

Как только Сеня подавал мне на стремянку намазанную полосу, она норовила приклеиться то к сениным штанам, то к лестнице, то еще к каким-либо посторонним предметам. Это первое.

Во-вторых, опасайтесь обоев с приятным волнообразным рисунком! Волны должны совпадать от полосы к полосе. Но каждый раз новая полоса ухитрялась прилепиться к стене так, что волны не совпадали.

В-третьих, помните об электрических проводах, роликах, выключателях, штепселях! Они ужасно надоедают, когда клеишь обои.

Боб уже справился и с дверью и с печкой, а мы оклеили только одну стену. Между тем, часовая стрелка стремительно неслась по циферблату. Приближался час приезда Людмилы Ивановны.

Без четверти пять тетушка отправилась обедать в диетическую столовую. А мы даже мечтать не смели об обеде. Единственно на что мы могли решиться — это отпустить на десять минут Сеню домой за хлебом и вареной картошкой.

МЫ В ЛОВУШКЕ

Но не прошло и минуты, как раздался оглушительный звонок.

— Кто там?

— Скорей, скорей, откройте! За мной гонится почтальонша... — слышался с лестницы голос Сени.

— Она меня узнала! Не открывайте ей! — испуганно шептал он, врываясь в квартиру. Я прильнул глазом к замочной скважине. Раздались торопливые шаги и мимо скважины промелькнула кожаная сумка с торчащими газетами. Звонок!..

— Не открывай! Не открывай! — шептали мои друзья.

За дверью что-то зашуршало, и мимо скважины опять промелькнула сумка с газетами.

— Нет никого дома! А я слышала как хлопнула дверь! Чудеса в решете! — громко сказала почтальонша и побежала по лестнице.

Боб накинулся на Сеню:

— Несчастный крокодил! Угрозило тебя налететь!

— Честное слово, не виноват! На лестнице не было ни души... — оправдывался Сеня. — Почтальонша выскочила из квартиры в первом этаже... — „Это ты, безобразный обманщик!“ — закричала она. Тут я от нее — наверх!..

— Вот так история! — заволновался Боб. — Почтальонша побежала к ненастоящей тетушке. Мы под подозрением. Все может обнаружиться... Никому не открывать! У Марии Николаевны свой ключ. Она звонить не будет.

Тревожно прислушиваясь к каждому шороху, мы опять принялись за наклейку обоев.

Прошло уже порядочно времени, а никто не звонил. Мы начали успокаиваться: „Наверное ненастоящей тетушки не оказалось дома!“

Вдруг раздался звонок. Второй...

На цыпочках мы подкрались к двери.

— Не открывают! — сказал мужской басистый голос.

— Вы постучите. Может звонок испортился, — ответил ему пискливый детский. Опять эта девчонка с косичками!..

Раздался сильный стук. Потом басистый голос сказал:

— Спасибо, что показала. Я тут на лестнице устрою засаду.

При слове „засада“ мы вздрогнули.

— Это милиционер... — вскрикнул Сеня. — Мы в ловушке!..

— Тише, тише, крокодил несчастный! — зашипел Боб. — Продолжайте ремонт. Я остаюсь на наблюдательном посту.

Через три минуты Боб появился в комнате и доложил первые результаты разведки.

— Неизвестный закурил трубку. Запах табака приятный!..

Схватив кисть, Боб в одно мгновение намазал клейстером новую полосу обоев и удалился. Второе донесение с НП гласило:

— Ходит по площадке. Видны золотые пуговицы. Это не милиционер. У милиции — серебряные.

Намазав еще полосу, Боб исчез. Вскоре последовал новый рапорт:

— На лестнице мяучит кошка. Незвестный сказал: „Что, бродяга, и тебя домой не пускают?“

Кошка? Я бросился на кухню. Клетка, где был заперт котенок Тяпа, была пуста, а дверца открыта. Забытый нами пленник как-то изловчился и убежал. Ясно! Незвестный разговаривает с Тяпой...

— Мяу! Мяу! — неслось с лестницы.

— Фу, какой нетерпеливый! — сказал неизвестный. — Я три года не был дома, а не мяукаю. Иди, иди сюда!

В ту же минуту Боб, как ужаленный, отскочил от двери:

— Крокодилы несчастные! Это жилец из запечатанной комнаты. Доктор вернулся домой, а мы его не пускаем... Человек с фронта...

Боб метнулся на кухню, вскочил на плиту, быстро отвинтил чашечку у электрического звонка, открыл входную дверь и, просунув на лестницу голову, громко позвал: „Кис! Кис! Кис!“

— Ой, кто тут? — воскликнул он. — Вы сюда звоните? Звонки испорчены. Вы не видели, случайно, кошечки? Такая маленькая, черненькая, убежала... — болтал он самым непринужденным образом. — Вы, может быть, и стучали? Вот обида! Кто-то колот наверху дрова, и мы не слышали вашего стука. Звонки мы сейчас исправим. Пожалуйста, проходите.

На пороге стоял очень высокий моряк в синем кителе, через одно плечо у него был перекинут серый плащ, на другом, закрывая погон, сидел котенок Тяпа. В руке моряк держал небольшой чемодан.

— Вот я и дома! Чудесно! — сказал он, входя на кухню и щурясь от света после полумрака на лестнице. — А вы здесь живете? Нет? Так! А кто-нибудь из жильцов есть дома? — спрашивал моряк.

Тяпа, мяукнув, спрыгнул с его плеча на плиту. Боб глазами показал мне на погон моряка.

Один просвет на золотом поле и четыре серебряных звездочки. Капитан-лейтенант! У морских врачей погоны уже и поле серебряное. И нашивки на рукавах не золотые!

— Николай Евгеньевич! Сын Людмилы Ивановны! — чуть не закричал я, но Боб предостерегающе поднес палец к губам и пихнул меня в бок: „Молчи! Молчи!“

— Вы кто же? Маляры? Уж больно маленькие. — спросил моряк. Он внимательно посмотрел на Сеню. — Где-то я тебя видел, мальчуган. До того знакомое лицо...

В это время входная дверь хлопнула, и вбежала совершенно запыхавшаяся тетушка.

— Коленька! Коленька! — крикнула она, бросаясь к моряку. — Мне девочка на дворе сказала. Приехал... Радость-то какая!.. И не предупредил. Мама через час тоже дома будет... — и старушка залилась слезами.

— Идем в комнату... Ты же здесь не был! В старую квартиру снаряд попал! — радостно и растерянно бормотала Мария Николаевна. — Мальчики ремонт кончают. Помощь семье фронтовика!..

Боб грозно взглянул на меня и Сеню и показал на часы. Двадцать минут седьмого! Через сорок минут придет Людмила Ивановна! А нам оставалось еще наклеить пять полос обоев и бордюры...

С лихорадочной поспешностью мы начали работать. „Скорей! Скорей!“ — шептал Боб. — Вдруг Людмила Ивановна придет раньше...“

Мы так были поглощены наклейкой обоев, что даже не слышали о чем говорили Николай Евгеньевич и тетушка. Вдруг мы услышали:

— А ну, мальчуганы! Давайте-ка я вам помогу!

В одно мгновение Николай Евгеньевич оказался на стремянке рядом с Сеней. — Подайте-ка мне полоску, — скомандовал он. — Я мальчишкой, когда на даче с мамой жил, — однажды три комнаты оклеил. Тряхну стариной... Ага! Обои с рисунком. Дело коварное... Ничего, подгоним.

Наш неожиданный помощник работал удивительно ловко. Через пятнадцать минут с обоями было покончено. Оставался бордюры.

— Бордюры мы будем клеить с помощью „человека-лестницы!“ — сказал Николай Евгеньевич и скинул с себя китель.

— Сними ботинки и встань ко мне на плечи! — обратился он к Бобу.

Боб не заставил себя ждать. Раз! — и его голова оказалась под самым потолком. По мере того, как Боб наклеивал бордюры, „человек-лестница“ двигался вдоль стенок.

Часы показывали без десяти семь, когда последний метр бордюра окаймил комнату, а с улицы донесся шум подъехавшего грузовика.

Я выглянул в окно. На грузовике — на тюках и на корзинках сидели наши ребята

из лагеря. Из кабинки шофера выходила сама Людмила Ивановна...

— Бежим! — шепнул я друзьям.

— До свиданья! — крикнули мы и, схватив свои кисти и ведро, выбежали из квартиры.

— Мальчики! Мальчики! — неслось нам вслед. — Куда вы, куда?

Молча мчались мы по лестнице в спасительный подвал. Вот и дверь. Ползком мы подобралась к окну с откинутым щитком.

Людмила Ивановна уже шла по двору... Пузырек и редактор „Известий форта Тимура“ — Глеб Сахновский несли ее вещи.

— Нет, нет, Людмила Ивановна! Мы сами, сами донесем, — спорил Пузырек. — Не помогайте... Шофер нас подождет...

— Колечка! — вдруг крикнула Людмила Ивановна и бросилась в подъезд.

Пузырек и Глеб в растерянности остановились.

Что произошло в подъезде при встрече Людмилы Ивановны с сыном, мы видеть и слышать не могли. Через минуту Николай Евгеньевич сам понес наверх корзинку и мешок Людмилы Ивановны. Пузырек и Глеб побежали к грузовику.

В тот же вечер, пока еще не окончательно стемнело, Сеня вставил с помощью замазки, которую мы стянули у знаменитого профессора, стекла у больной соседки Марии Петровны. Я и Боб закончили ремонт в квартире ненастоящей тетушки. Она встретила нас с распростертыми объятиями. И мы сразу поняли, как напрасны были наши страхи.

Дверь „под дуб“ была Бобом снова перекрашена. Теперь она уже не напоминала задачу по отгадыванию следов диких зверей. Гусиные перья за себя постояли!

Заодно мы подправили, с помощью белил и голландской сажи, добытой Бобом, злополучную единицу на квартирном номере. Единица опять превратилась в четверку!

В эту ночь я спал так крепко, что, пожалуй, меня не разбудить бы и пушкой. Я не слышал ни как мама вернулась с работы, ни как она уходила рано утром. Проснувшись в девять часов, я увидел подле кровати на стуле новую, самую настоящую полевую сумку.

Расстегнув сумку, я ахнул. В ней лежали: компас, в карманчике перочинный нож и две толстых тетрадки в линейку. Вот в них-то я и пишу теперь свою повесть.

Милая мама! Как я был тронут твоим подарком к новому учебному году. Ты всегда угадываешь самые заветные желания!

МЕШОК С ЛЯГУШКАМИ

До начала занятий в нашем распоряжении был еще целый свободный день. Мы с Бобом решили покончить со всеми долгами, которые мы наделали за последнее время.

Пообедав в школе, мы отправились на Кировские острова наловить лягушек, чтобы расквитаться с завхозом, а заодно и погулять.

На Елагином мы не были целых три года. Но он почти не изменился. Трава здесь оказалась не хуже, чем в мексиканских прериях, доходила местами нам до плеч.

Мы занялись охотой на лягушек. Особенно много их оказалось у пруда возле Стрелки, на взморье. Мы наловили пятьдесят восемь штук, самых крупных. Рюкзак Боба совсем раздулся.

Увлеченные охотой, мы не заметили как красный диск солнца спрятался за морским горизонтом, а в небе появился узкий серп луны.

С моря дул холодный ветерок. На Стрелке было безлюдно — ни одного человека.

Усевшись верхом на алебастровых львов, украшающих Стрелку, мы смотрели на темное море. Боб сидел на совершенно целом льве, а я на льве с отбитой задней лапой.

— Дует чистый вест! — крикнул Боб. — По левому борту виден парус! — и Боб пересел на льва с отбитой лапой, позади меня.

Слева от нас прошел из залива в Невку швербот. На носу и на корме у него чуть светились сигнальные огни. Потом где-то далеко в море пронесся торпедный катер.

— Ух, славно здесь! — воскликнул Боб, и в ту же секунду, как из-под земли, подле львов выросли две фигуры.

— Это, наверное, они! — прошептал женский голос.

Луч света от электрического фонаря ударил мне в глаза.

— Слезайте, граждане! Приехали! — сказал другой женский голос.

Я узнал в одной из женщин храбрую милиционершу, которая во время блокады всегда стояла на Кировском проспекте и никуда не уходила во время обстрела.

— Они? — спросила милиционерша, освещая наши лица.

— Вроде они! У того тоже был мешок за спиной. Они туда и складывали...

— Она о лягушках... — успел шепнуть мне Боб.

— Нечего сговариваться! — сердито закричала гражданка в штатском.

— Мы больше не будем! — сказал Боб дрожащим голосом. — Мы в последний раз.

Честное слово, не знали, что их нельзя брать. Уверяю вас...

— Как не знали? — перебила его сердитая гражданка. — Не морочь мне голову. Покажут вам, как таскать государственное добро! А на вид такие приличные!..

— Ну, идемте на пост! — строго, но вежливо сказала милиционерша. — Там разберем как следует.

Молча, подавленные страшным обвинением в похищении государственных лягушек, мы зашагали к милицейскому посту.

Пост оказался совсем близко, в маленькой будочке. Там горел свет и стоял столик с телефоном. Милиционерша села за столик и положила перед собою лист бумаги.

— Ну-ка, показывайте, граждане, ваш мешок! — сказала она.

— Сейчас! Сейчас! — бормотал Боб, снимая с плеч свой мешок.

— Сколько штук? — спросила милиционерша.

— Пятьдесят восемь! — чисто-сердечно сознался Боб. — Все крупные...

— Пятьдесят восемь! — завопила наша обвинительница. — Все, все ограбили. Дочиста... Самые крупные... — запричитала она. — Товарищ милиционерша! Ты пересчитай хорошенько. Я за каждую штуку отвечаю.

Милиционерша развязала Бобин мешок и сунула туда руку. В тот же миг из мешка на стол выпрыгнули три лягушки!

Тут произошло что-то удивительное. Милиционерша взвизгнула и вскочила с ногами на стул.

— Что это у вас! Уберите скорей! — умоляюще кричала она.

Мы бросились ловить лягушек и водворили их опять в мешок.

— Страсть боюсь их! — созналась милиционерша, слезая, наконец, со стула.

— Это они нарочно придумали! — возмутилась наша обвинительница. — Испоганили своими лягушками все огурцы!..

— Огурцы! — обрадованно воскликнули мы. — Честное слово! Там одни лягушки! Пятьдесят восемь штук. Самых крупных.

— Как, одни лягушки?

В будке поднялся ужасный хохот. Смеялись мы, смеялась милиционерша. Не смеялась только наша обвинительница — ей было не до смеха. Воры, похитившие огурцы, исчезли.

Что же оказалось! Мнимая заведующая лягушками на самом деле была сторожиха на огороде, расположенном поблизости,

Туда забрались двое мальчишек и потаскали огурцы. Мальчишки, когда их заметила сторожиха, убежали по направлению к Стрелке. Нас случайно спутали.

По правде говоря, мы с Бобом здорово перетрусили пока все это не выяснилось. А теперь нам было очень весело.

Особенно нас сместило, что милиционерша, которая не боялась снарядов, испугалась обыкновенных лягушек.

Расстались мы с храброй милиционершей и „заведующей лягушками“ в самых приятельских отношениях.

(Окончание следует)

★

Здравствуй, новый учебный год!

Глеб Семенов

Здравствуй, новый учебный год!
За Невою заря встает.
Но сегодня любой из нас
Встал до зорьки за целый час.
Хоть до школы не долог путь, —
Все волнуемся мы чуть-чуть,
Мы соскучились по звонкам,
По хорошим своим дружкам.
Вот и школа. Знакомый дом,

Но глядим — и не узнаем.
Где в осколках была стена, —
Штукатурка легла ровна,
Где фанера в окне была —
Жизнерадостный блеск стекла.
И забитая раньше дверь
Свежей краской блестит теперь.
Веселее входи, дружок! —
Долгожданный зовет звонок.

МО-
ВО-
ли-
му-
или
ули
ки!
ея-
ея-
ло
цы,
цая
иха
сти.
шек
ки,
иха,
к
пу-
Бо-
по-
А
ве-
что
оя-
ля-
пей
ия-

В.М.

Гост'ральная Колонна

Гос.
Публичная
Библиотека

К
возн
32-й
ми?
мом
дру
за д
Р
лезн
но.
чтоб
то и
вето
ских
стат
С
нап
Г
из У
шал
пяти
ла н
разн
нач
вел
Е
ди
рож
Е
ло и
рок
му
кол
„Ле
Г
чик
езд
Пра
сво
лас
С
спи
отту
Мос
Е
Вит
За
соб
В н
чит
нир
в ав
две
Г
кил
ров
Тос
при
Р
кало
бит
неме
от в
ди
рад

ИЗ ЛЕНИНГРАДА В МОСКВУ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Г. Трифонов

Каким спортом заняться летом? Этот вопрос возник ранней весной 1945 года среди учеников 32-й железнодорожной школы. Греблей или яхтами? Но у школы нет водной станции. Альпинизмом? Но это трудно осуществить. Так, по той или другой причине, одно предложение отвергалось за другим.

А вот езда на велосипеде — это приятный и полезный вид спорта. И выучиться ездить не трудно. Одно затруднение — где взять столько машин, чтобы все желающие могли принять участие? Тут-то и явилась мысль обратиться к Маршалу Советского Союза Говорову. Он — друг ленинградских ребят и, наверное, поможет школьникам достать машины.

Сказано — сделано. Письмо было немедленно написано и отослано.

Прошел месяц. Однажды в школу позвонили из Управления Ленфронта. По распоряжению Маршала Советского Союза Говорова школа получает пятнадцать машин. Весть о подарке сразу облетела все классы. Вот была радость! Только и было разговоров, что о подарке. И тут же было решено начать тренироваться, а потом... потом устроить велопробег. Пробег из Ленинграда в Москву!

Во время каникул, утром 16-го июля на площади Островского собрались ученики-железнодорожники — участники пробега.

Восемнадцать человек выстроились в ряд около испытанных фронтовых машин. Утренний ветерок чуть раздувает сиреневые майки ребят — форму спортивного общества „Юный локомотивец“ и колышет длинные алые флажки с надписью „Ленинград — Москва“.

Подумать только: прошло месяца три, и мальчики, из которых многие весной еще не умели ездить на велосипеде, теперь едут в Москву. Правда, они тренировались, на это уходило все свободное от занятий время, но зато осуществилась их мечта.

Сигнал! Колонна стартует, и, весело сверкая спицами колес, машины выезжают на проспект, а оттуда на Московское шоссе. Впереди дорога на Москву. Прощай, Ленинград!

Впереди едет капитан пробега — комсорг школы Витя Петров и военрук школы товарищ Мосин. За ними, растянувшись лентой, двигаются ребята, соблюдая дистанцию. Позади — грузовая машина. В ней врач и механик. Мало ли что может случиться в пути — это ребята усвоили во время тренировочных гонок Ленинград — Гатчина. Поэтому в автомашине кроме запаса провианта, имеются две запасных машины и много запасных частей.

По плану в первый день следует проехать 75 километров. Поэтому, проехав первые 30 километров, велосипедисты делают небольшой привал в Тосно. Какими вкусными кажутся бутерброды, как приятно вытянуться на траве!

А вечером подъезжали к Любани. Хоть и смеркалось, но ребята разглядели и груды развалин, и битый кирпич, и черные обгорелые балки — следы немецкого хозяйничанья. Но в этом пострадавшем от войны городке шла уже кипучая жизнь, и люди знали о приезде школьников. Их встретили радушно и отвели для ночлега помещение школы.

Первый день пробега окончился. Чудесный день!

За Любанью дорога стала хуже. То и дело велосипедисты сходили с машин и вели их за рули мимо камней, ям, воронок.

Одна из остановок намечалась в „Мясном Бору“. Это селение значилось на карте, но в действительности его не оказалось. Грустно было проезжать мимо развалин и обгорелых рожиц.

Следы войны виднелись повсюду: и на берегу Волхова, и в самом Новгороде — старинном русском городе. В нем уже восстанавливали памятник „Тысячелетие России“, древний новгородский Кремль, строили новые дома.

Много городов, селений проехали ребята. Много чудесных часов провели они в поле среди природы. И деревья, и цветы, и птичий щебет — все это радовало школьников в пути.

В Валдае встречающие выстроились в две шеренги, и велосипедисты строем проехали меж них. А в самом городе ребята отдыхали, загорали, купались и вечером даже танцевали.

Так проходил велопробег.

Никаких аварий не произошло, никто не отставал, а мелкий ремонт производили на ходу.

Ребята подъезжали к Москве. Все чаще и чаще попадались строения, пригородные дачи.

В Химках ребята остановились почиститься, чтобы въехать в столицу в надлежащем виде. Немножко волновались — близился финиш.

На окраине Москвы, неожиданно, из-за поворота Ленинградского шоссе, на мотоциклах появился отряд милиции — ОРУД. Это первые встречающие. Они окружили колонну кольцом, провели ее по людным улицам Москвы.

Москвичи ждали велосипедистов: школьники подносили им цветы, кино-операторы крутили ручки своих аппаратов. Приближался финиш у Красных ворот. Велосипедистов встречала большая толпа народа. Вот маленькая трибуна, украшенная плакатами и лозунгами. Пробег окончен.

— „Равняйся, смирно!“

Загорелые, взволнованные велосипедисты стояли у своих машин, когда генерал-директор тяги II ранга товарищ Белоусов принимал рапорт руководителей велопробега.

Юные велосипедисты горды тем, что они совершили такую интересную поездку, так много увидели и узнали. А главное, они доказали, что получили машины не зря. Они могут сообщить своему другу Маршалу Говорову, что оправдали его доверие, ведь позади семьсот сорок километров пути!

РАССКАЖИТЕ НА ШИОНЕРСКОМ СБОРЕ

КАК ВЕСТИ СЕБЯ

Н. Владимирская и
К. Николаева

Рис. Г. Фитингофа

Муки самолюбия

„Все презирают меня и всегда будут презирать... все пропало!“

Это страдает Николенька Иртеньев — герой повести Льва Толстого „Детство и Отрочество“. Что же случилось? Почему все презирают его? Почему все пропало?

Оказывается, одиннадцатилетний Николенька не сумел протанцевать мазурку на балу у бабушки.

Только и всего? Из-за таких пустяков так терзаться? Да, в жизни такие пустяки доставляют иногда много огорчений. Сам Лев Николаевич Толстой с детства очень страдал от своей чрезмерной застенчивости и самолюбия. И, рассказывая о муках Николеньки, Толстой писал о себе самом и о всех тех, кому приходится испытывать такие же муки из-за разных, на первый взгляд, несущественных мелочей.

Что же это за мелочи и почему они бывают такими болезненными?

В плену запретов

Существуют тысячи „нельзя“ и тысячи „нужно“.

Нельзя: перебивать в разговоре старших, есть с ножа, класть локти на стол, когда ешь, громко сморкаться, чавкать, намазывать масло на край хлеба, от которого только что откусил, разваливаться сидя, чистить и стричь ногти в присутствии посторонних и много других, самых разных, „нельзя“.

Нужно: уступать место старшим, есть, держа вилку в левой, а нож в правой руке, закрывать рот платком, когда чихаешь или кашляешь, проходя в дверь, пропускать сна-

чала старших и женщин и еще много других, очень важных, „нужно“.

Все эти „нельзя“ и „нужно“ не что иное, как правила поведения. Эти правила люди выработали, чтобы облегчить себе жизнь. Облегчить жизнь? Но разве это не затрудняет жизнь, не обременяет ее? Разве можно запомнить все эти „нельзя“ и „нужно“?

Привычка — вторая натура

Тот, кто с детства привык чистить зубы по утрам, не должен каждый раз вспоминать, что нечищенные зубы разрушаются и гниют. Это обязательное правило гигиены человек культурный выполняет всегда по привычке.

То же и с вежливостью. Вы уступаете пожилому человеку место в трамвае не потому, что говорите себе: он старый, а я молодой, ему труднее стоять, уступлю-ка я ему место. Нет, вы просто не можете спокойно сидеть, если рядом стоит пожилой человек. Это делается по привычке — вы привыкли быть вежливым.

Все это понятно — почему следует чистить зубы и уступать место старшему. А вот зачем нужны разные тонкости поведения за столом? Почему нельзя есть с ножа, разрезать на тарелке все мясо, а потом уже есть его. Не бессмысленно ли это? Нет, не бессмысленно. В основе всех этих правил хорошего тона заложен здравый смысл. Все эти правила — проявление уважения и к окружающим и к самому себе.

Понятно, что за столом нельзя класть локти на стол, потому что этим стесняешь соседа. Но если за столом сидит всего два или три человека, или если человек обедает

один, разве нельзя сидеть как ему заблагорассудится?

Нет, нельзя, потому что должна выработаться привычка сидеть за столом. Ведь гораздо проще вести себя всегда сдержанно

и подтянуто, а не спохватываться при случае.

Было время когда люди не только дома, но и на торжественных пирах ели руками, клали мясо пальцами в рот. Никаких вилок тогда не было, и такая неопрятность никого не смущала. Но с тех пор прошло много времени, ученые открыли существование микробов, распознали причины многих заразных болезней и выработали новые правила поведения: нельзя пить из одного стакана, нельзя передавать хлеб руками. Потому же нельзя намазывать масло на откушенный кусок, ведь часто нож бывает общий, и твоему соседу твоя неопрятность может быть неприятна. Это может вызывать чувство брезгливости, даже тогда, когда знаешь, что твой сосед человек чистоплотный и здоровый. А взять хлеб рукой для самого себя — это никому не возбраняется. Это означает, что руки у меня совсем чистые, и я это хорошо знаю.

Почему нельзя есть с ножа? Да просто потому, что можешь порезать себе язык и губы. И вообще без крайней нужды пользоваться ножом не рекомендуется. Не следует забывать, что лезвие ножа сделано из стали, а сталь легко окисляется. Поэтому-то для фруктов существуют особые ножи, лезвие которых не портится от кислот.

Когда хочется провалиться сквозь землю

Незнание этих правил доставляет немало огорчений. Конечно, в наши дни никто, подобно Николеньке, не будет так мучиться из-за неудавшейся мазурки. Но согласитесь — страдать из-за мелочей приходится и вам:

не сумел поздороваться; неловко вел себя за столом; невежливо ответил уважаемому человеку; невпопад ввязался в разговор — да мало ли какие незадачи могут приключиться.

И вот от всего этого человеку застенчивому хочется провалиться сквозь землю.

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова...

Так описывает знаменитый русский поэт Некрасов состояние, которое испытывает че-

ловек застенчивый, не умеющий вести себя. Не зная как помочь себе, он и дальше делает новые ошибки и, наконец, может впасть, как Николенька, в полное отчаяние.

А бывают другие натуры, — иной мальчик в обществе взрослых, мало знакомых людей, держит себя чересчур смело: громко говорит, чрезмерно размахивает руками, вмешивается в разговор, пытается острить, кривляется. А позже ему самому становится стыдно.

Первого люди считают неловким, невоспитанным, второго — кривлякой, назойливым, развязным и опять-таки невоспитанным.

Скованность и развязность это два вида одной болезни — застенчивости. И мучают они человека одинаково сильно.

„По одежде встречают...“

Смысл пословицы „По одежде встречают, по уму провожают“ — в том, что первое впечатление о человеке создается по его внешнему виду. И костюм имеет немаловажное значение.

Что означает быть хорошо одетым? Одни мечтают о хороших, модных платьях, а скромное, простое, считают они, не может быть приличным. Другие, чаще всего мальчики, хотят иметь „мужественный“ вид, не представляя, что это такое. Заботиться о чистоте костюма, воротничка, ногтей, рассуждают они, дело „гогочек“, „маменькиных сынков“ или девочек. Пальто нараспашку, сдвинутая набекрень шапка, свисающий на глаза чуб, измятые и измазанные штаны — это кажется им особым щегольством. В погоне за таким лихачеством они забывают о своем человеческом достоинстве.

Героиня одного из произведений Чехова, очень юная девушка, выражает такое желание: одеть самое дорогое модное платье, на руки — браслеты, а потом встать на вершину холма и дать себя убить молнии. И обязательно в нарядном, модном платье. Нам смешно нелепое желание этой девушки прославиться таким диким способом. Но как ни странно, между ней и нарочитой неряхой много общего. Оба они хотят удивить, поразить, заставить говорить о себе. А такие люди несносны и неприятны для окружающих.

Одеваться нужно сообразно возрасту, тому чем ты занят, где ты находишься. Маляр за работой надевает спецодежду, врач в операционной — белый халат. Словом, одежда должна быть целесообразной. Поэтому нелепо придти в школу в шелковом платье, зимой надеть легкое открытое платье только потому, что оно нарядное. Наоборот, придти на праздник в

рабочей одежде неловко, потому что этим ты выражаешь неуважение к настроению других людей.

Конечно, если нет специального платья, можно придти на праздник в обычном. Чистое, аккуратное, хорошо сидящее платье, с чистым, белым воротничком, в отлично вычищенных ботинках, тщательно причесанный человек не произведет неприятного впечатления. Форма бойцов и офицеров простая, а никто не может сказать про них, что они плохо одеты — так они подтянуты, аккуратны и опрятны.

Зато как неприятно видеть человека, у которого костюм сам по себе хорош, но измят, засален, неопрятен; или девочек, которые, подобно маленьким обезьянам, во всем хотят походить на взрослых и подражают им в одежде.

Умение одеваться совсем не зависит от того, много ли у человека костюмов. У одного одно-два платья, а выглядит он всегда хорошо одетым. Он умеет носить вещи, бережно обращаться с ними и понимает как много зависит здесь от мелочей, которые кажутся, на первый взгляд, несущественными.

Чувство собственного достоинства

Человек должен быть естественным, простым, скромным в обхождении и в одежде. И тогда перед ним не встают на каждом шагу вопросы — как поступить, что делать, что сказать. Это приходит тогда, когда человек усвоит простые правила поведения, о

которых здесь говорилось, и станет выполнять их по привычке. Тогда просто и непринужденно школьник говорит с учителем, входит по делу в учительскую. Он легко, без всякой застенчивости, отвечает старшим, мало знакомым людям и поддерживает с ними разговор. Он весело танцует, зная, что все в его костюме проверено, приведено в порядок, и нигде нет ни дырки, ни пятна. Такой человек никогда не испытает мук самолюбия, как Николенька Иртеньев, и никто не назовет его неловким, кривлякой, невоспитанным.

Будущему офицеру, ученику суворовского или нахимовского училища в голову не придет показаться старшему на глаза в пальто нараспашку, или в грязных ботинках. Он не задумается уступить место старшему, пропустить его вперед, не станет вмешиваться в разговор взрослых, или ждать, когда с ним поздороваются.

Вежливость, обходительность, опрятность — это требование дисциплины. Это — закон. И тогда правила поведения становятся привычкой. Про такого человека говорят, что у него есть чувство собственного достоинства, а развить и воспитать его в себе совсем не трудно, стоит только захотеть.

ЗАГАДКА

На трех ногах сидели две.
Одна лежала на траве.
Местечко все себе нашли.
Но вдруг четыре подошли,
Схватили в миг одну из ног
И с ней пустились наутек.
Вскочили разом две ноги.
Схватили разом три ноги,
И побежали по полям
Вдогонку четверем ногам,
Чтоб их догнать, чтоб их унять
И чтоб одну у них отнять.

*Перевел с английского
А. Шмульян*

Синяя „галка“

Когда я учился в школе, все предметы мы делили на легкие и трудные. Легкие — история, естествознание, литература, трудные — физика, химия, геометрия и, в особенности, алгебра.

Нам казалось, что математику слишком часто ставят в расписание, а учителя математики мы считали чуть ли не „змеем-горынычем“, хотя на самом деле это был добрый и милый человек.

Когда мы узнавали, что учитель будет вызывать к доске, то пять-шесть человек в классе, обычно, отсутствовали на этом уроке. Среди них бывал и я. Стыдно, конечно, признаваться, но с тех пор прошло уже много лет, и от боязни трудного я давно излечился.

Помню, со мной за одной партой сидел лучший ученик класса. Когда он решал задачи контрольной работы, я сидел рядом и делал вид, что размышляю над задачей. На самом же деле я ждал, когда он покончит с решением.

С легким сердцем я списывал работу и отдавал учителю. Конечно, я нарочно делал одну-две ошибки, чтобы не вызвать подозрения. Так продолжалось несколько лет. И я окончательно решил, что нет более неспособного к математике ученика чем я.

С грехом пополам я окончил среднюю школу и стал работать. Сначала мне было очень приятно, что надо мной не висит угроза получения двойки. Но с возрастом взгляды меняются. Часто я стал задумываться о своем будущем. Мои сверстники поступали в институты, а я? Но тут пришло время идти в Красную Армию.

Я прослужил уже год, когда в нашем пехотном полку по ротам было объявлено, что можно подавать заявления в авиационные военные школы. Не без колебаний я подал заявление в авиатехническую школу. Меня зачислили кандидатом. В скором времени должны были начаться приемные испытания. Как же я буду сдавать их? Я видел, что мне надо математику не повторять, а изучать заново. Вот тогда-то я и рассердился по-настоящему на себя за то, что еще в школьные годы вбил себе в голову, будто я тупица. Но как я ни готовился к экзаменам,

случилось то, чего я так боялся. Я „срезался“, не сумел решить самых простых задач. Но все же меня приняли „условно“ и дали месячный испытательный срок.

Начались занятия. В журнале, против моей фамилии, стояла жирная синяя „галка“. Эта „галка“ обозначала, что я в математике человек „подозрительный“. Я дал себе слово во что бы то ни стало выравняться.

Говорят, что „если нужно вытянуть цепь, то нужно взяться за основное звено“. В нашей авиатехнической школе эту „цепь“ составляли: теория полета, двигателя, конструкций самолетов и моторов, электротехника. А главное звено — математика. Чтобы вытянуть всю „цепь“, надо было взяться за основное звено.

Угроза быть исключенным подстегивала меня, страдало и мое самолюбие. Я принадлежал. Формулы, формулы и формулы. Ими были исписаны целые тетради. Я видел формулы даже во сне. И вот математика начала постепенно раскрывать передо мной свои тайны.

За первую контрольную работу я получил „четверку“. А вторую контрольную написал быстрее всех. Помню, сделав все примеры, я проверил еще раз ход решения и отложил листок с работой.

Преподаватель удивился, ведь я был „условник“.

Через три дня в журнале, против моей фамилии была выведена аккуратная „пятерка“. Теперь синяя „галка“ перестала быть такой страшной.

Еще четыре или пять таких удачных работ, несколько хороших устных ответов, и я прослыл „математиком“. Скоро я стал полноправным курсантом училища.

Так разрушилось у меня ложное представление о том, что я неспособен понять „трудные“ предметы. Так восстановилась у меня вера в свои силы.

Ребята, если кому из вас кажется, что вы не способны к математике, — помните, что любую науку, даже самую трудную, можно постигнуть — только для этого нужны упорство и воля.

Майор Г. Солодков
Краснознаменный Балтийский флот

МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО

П. Померанцев

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ П. К. КОЗЛОВА

В 1907 году Русское Географическое общество снарядило экспедицию для изучения Монголии, соседней с ней китайской области Сычуани и горной страны Амдо.

Начальник экспедиции Петр Кузьмич Козлов, лучший ученик великого русского путешественника Пржевальского, был человеком сильной воли, и для него, казалось, не существовало никаких тягот пути. Поэтому не всякий мог с ним путешествовать. Но Козлов подобрал людей испытанных, упорных и выносливых, подстать себе.

Экспедиционный караван ученых, в сопровождении конвоя из десяти казаков, вышел из пограничного города Кяхты, прошел Ургу (ныне столицу Монголии — город Улан-Батор) и направился на юг, к песчаной пустыне Гоби, чтобы пересечь ее и выйти к нижнему течению реки Эдзин-гол.

Козлов, как и Пржевальский, главным образом изучал природу Центральной Азии. Но на этот раз Петр Кузьмич решил найти развалины древнего, некогда богатого города Хара-Хото. Русские путешественники уже неоднократно пытались разыскать его, но безуспешно.

Расположенный среди безбрежных просторов гобийской пустыни, этот город в отдаленные времена принадлежал сильному тангутскому государству. Мимо него пролегла оживленная караванная дорога. Ее прозвали „шелковой“, потому что здесь

проходили караваны китайских торговцев шелками. Этой дорогой товар везли в страны Западной Азии, а из дальних стран привозили взамен другие редкие товары.

Но не только товарами азиатского юга, запада и китайского востока славился город Хара-Хото. В нем была своя культура, свое искусство, своя письменность и литература. Целых три века процветало государство тангутов. Но вот в 1227 году величайший монгольский завоеватель Чингисхан напал на страну тангутов, разорил ее, а народ оттеснил к Тибету. Разбитые тангуты со временем превратились в отсталое кочевое племя, забывшее свою былую культуру и письменность.

Много легенд сохранилось о последних днях города Хара-Хото. Вот что рассказывается в одном предании. Когда враги разгромили войско властителя Хара-Хото, в городе оставалось так много запасов, что жители и его защитники могли выдержать за крепкими стенами не один месяц осады. Но враги пошли на хитрость: они запрудили реку Эдзин-гол, и население Хара-Хото осталось без воды. Осажденные принялись рыть колодец. Но тщетная надежда! Колодец был очень глубокий, но в нем не оказалось ни капли влаги.

Участь осажденных казалась решенной: погибнуть от жажды или сдаться на милость победителей. Властитель Хара-Хото — батырь — задумал попытаться счастья и самому напасть на полчища Чингисхана. Правда, надежда на успех была ничтожно мала, но это был единственный путь спасти город. Перед тем, как совершить эту дерзкую вылазку, батырь приказал закопать в только что вырытом колодце все драгоценности города. Потом батырь убил свою жену, сына и дочь, — они не должны были достаться врагу. И после этого он приказал пробить в толстой городской стене брешь. Через нее устремились воины батыря на врага. Однако в неравном бою все погибли до единого.

Победители ворвались в город и стали искать зарытый клад. В поисках золота они разрушили все, что могли, но спрятанных богатств батыря так и не нашли. И, как говорится в легенде, никто никогда не найдет этот клад, потому что его заворожил сам батырь.

19 марта 1909 года караван экспедиции Козлова остановился в тридцати километрах от Хара-Хото. Взяв небольшой запас воды и продовольствия,

Козлов с четырьмя спутниками направился на розыски развалин мертвого города.

Путь шел пустыней то ровной, то холмистой. Кое-где возвышались высокие бугры, поросшие саксаулом и тамариском. Унылая, бедная природа. Но вот по дороге начали попадаться остатки оросительных каналов, глиняные черепки, большие каменные жернова, занесенные песком развалины глиняных построек. Путешественники увидели большие надгробные памятники с куполообразным верхом — субурганы. Они стояли вдоль древней дороги, шедшей к мертвому городу. На берегу пересохшего русла речки Конче-дарья встретились развалины древнего укрепления, которое когда-то прикрывало подступы к Хара-Хото. И, наконец, показались неясные очертания крепостных старинных стен Хара-Хото!

Путешественники подъехали к западным воротам. Вот они в самом Хара-Хото, в городе, которого еще не посетил ни один путешественник, ни один ученый. Здесь все таинственно, здесь каждый камень — немой свидетель страшной расправы свирепого завоевателя... Какие древние эти остатки старинных жилищ, кумирен и, похожих на башни, субурганов.

В этом царстве прошлого было тихо-тихо. Но вот застрекотала пустынная сойка. В ответ ей откликнулся певец пустыни — чеккан. Где-то прозвучал голос зверька песчанки. Окрестная пустыня оказалась не такой уж безмолвной и безжизненной!

Путешественники, осмотрев мертвый город, сразу же определили его географическое положение. Северная широта Хара-Хото оказалась равной $41^{\circ} 45' 40''$, а долгота — $101^{\circ} 05' 14,85''$ к востоку от Гринича. Высота над уровнем моря 870 метров.

В свое первое посещение Козлов вел только предварительные раскопки. Он пробыл в Хара-Хото всего неделю и направился дальше, чтобы продолжить географические исследования. Но то, что он увидел в Хара-Хото, было так увлекательно, что он решил посетить Хара-Хото на обратном пути и всерьез заняться раскопками. Вот что написал Петр Кузьмич в свой дневник:

„Грустно становилось мне при мысли, что на завтра, в полдень, мне суждено покинуть мое детище Хара-Хото. Сколько новых прекрасных мыслей открыл мне мой молчаливый друг! Невольным образом он расширил горизонт моих знаний, указал мне чуждую до тех пор отрасль науки, к которой с этой минуты я должен направить всю пылкость своего ума...“

Экспедиция возвратилась в мертвый город в мае 1909 года и оставалась здесь четыре недели. Люди вставали с зарей, чтобы поработать в прохладе. Днем отдыхали, потому что знойное солнце накаляло почву до 60° . Песок и пыль, поднимаемые горячим ветром, изнуряли всех. Редко-редко перепадал небольшой дождик. Иногда вместе с грозвыми облаками налетали мощные порывы ветра и, срывая верхний слой почвы, поднимали клубы желтого песка и пыли. Проводники-монголы кричали, цепляясь за свои юрты, чтобы спасти их от нападения свирепого бога — ветра. Но когда всё

стихало, тогда все снова принимались за работу.

Зато как величественно красив был мертвый город в ясную лунную ночь, когда на его суровые развалины ложились мрачные тени...

Путешественники, изучив Хара-Хото, представили себе город таким, каким он был семь веков назад. Со всех четырех сторон его ограждали прямые, толстые, четырехметровые стены, высотой до шести метров. Длина этих крепостных стен с севера и с юга равнялась 230 метрам, а с запада и востока — чуть меньше. Одни ворота были сделаны в середине западной стены, другие — в восточной. Перед западными воротами был устроен крепостной заслон, он прикрывал въезд.

В северной стене была обнаружена большая пробитая брешь. Видимо, через это отверстие и вышли воины батыря,

Улицы, из них две главных, разделяли всю внутреннюю часть города на прямоугольные квадраты и проходы. Среди различных небольших глинобитных домиков изредка попадались более просторные жилища, живописные храмы-кумирни, крытые черепицей, с резными украшениями.

Засыпанные песком постройки походили на холмы, но стоило слегка копнуть песок, как он, осыпаясь, обнажал деревянные части зданий, цыновки и другие предметы. Около разрушенных лавок-фанз было найдено множество фарфоровых и глиняных черепков и даже монеты — медные чохи и бумажные деньги, которых в XIII веке еще не знали в Европе, и о которых впервые рассказывал знаменитый путешественник Марко Поло.

Часть своих коллекций Козлов собрал на поверхности земли, более сохранившиеся вещи — при раскопках. Самые ценные предметы были добыты не в самом Хара-Хото, а в одном, одиноко стоящем, субургане, недалеко от западной крепостной стены, который Петр Кузьмич прозвал „Знаменитым“. В нем был найден ценнейший клад: библиотека рукописей на древнем тангутском, монгольском и даже персидском языках, около трехсот буддийских икон, множество статуэток. Все это, благодаря сухому климату пустыни, хорошо сохранилось. Портреты, фигуры сделаны необыкновенно живо и выразительно: таково изображение Будды или старика, читающего книгу или, наконец, нарядной дамы, несущей в руках изысканное блюдо.

Все работали с увлечением. Петр Кузьмич писал в своем дневнике: „Идешь, бывало, медленно по тихим, вымершим улицам и смотришь на землю, покрытую мелкой галькой, точно узорчатым полом. В глазах пестрит, и все сливается в одну серую массу; поднимаешь глаза вверх, окинешь взглядом окрестность и вновь идешь, медленно переставляя ноги; вот блеснул интересный черепок, вот бусинка, вот монета, а там дальше — что-то зеленое, какой-то нефритовый предмет... Осторожно откапываешь находку руками и долго любуешься ее оригинальными гранями и странной, незнакомой формой... Всякая новая вещица, появившаяся на свет из песчаных недр, вызывает в человеке необыкновенную радость и возбуждает у прочих спутников желание вести раскопки особенно интенсивно“.

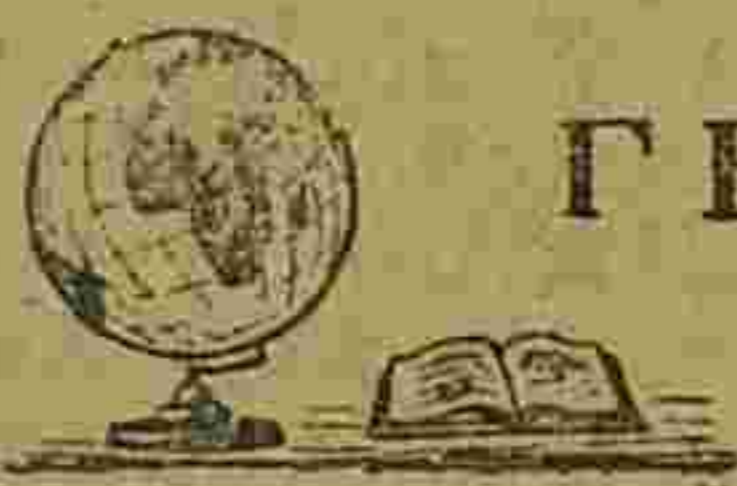

Козлов полюбил мертвый город, сроднился с ним и ему было жаль покидать Хара-Хото, но надо было возвращаться в Россию. 16 июня 1909 года, тяжело нагруженный бесценными сокровищами, караван вышел в западные ворота бывшей древней тангутской столицы.

„По мере удаления экспедиции от мертвого города, — записал в своем дневнике Петр Кузьмич, — мною все более овладевало чувство безотчетной грусти; казалось, среди этих безжизненных развалин осталось что-то близкое и дорогое мне, с чем впредь будет неразрывно связано мое имя, что-то, с чем больно было расставаться...“

Замечательная коллекция предметов, привезенная Петром Кузьмичом из Хара-Хото, хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

Значение трудов Козлова огромно. Он не только открыл мертвый город, но и сумел оживить его. Из Хара-Хото Козлов вывез неизвестные ранее рукописи древней тангутской письменности. Обнаруженные среди них фрагменты тангутско-китайских словарей помогут ученым разобрать тангутские иероглифы. Таким образом, благодаря работам Козлова, ученые смогут не только разгадать тайну тангутского письма, но и заставить снова зазвучать язык, считавшийся умершим много веков тому назад!

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Сентябрь

6 сентября 1522 г. Закончилось первое в истории человечества кругосветное плавание: единственный из уцелевших кораблей Магеллана („Виктория“) вернулся в Испанию (Севилью) под начальством Себастиана Эль-Кано.

10 сентября 1863 г. Родился Герой Социалистического Труда академик В. А. Обручев — замечательный русский ученый-геолог, секретарь Отделения геолого-географических наук Академии Наук СССР (Он, между прочим, написал чрезвычайно интересные научно-фантастические романы для юношества: „Плутония“ и „Земля Санникова“).

17 сентября 1797 г. Родился адмирал Ф. П. Литке — выдающийся русский кругосветный мореплаватель и исследователь, один из основателей Всесоюзного Географич. о-ва; в течение 18 лет (с 1864 по 1882 г.) Литке состоял Президентом Академии Наук.

19 сентября 1936 г. Закончился перелет Героя Советского Союза В. С. Молокова от Берингова моря до Архангельска: впервые весь Северный Морской путь был пройден по воздуху.

20 сентября 1934 г. Советский ледорез „Федор Литке“ первым в истории арктических плаваний завершил в одну навигацию сквозной поход из Владивостока в Архангельск.

24–25 сентября 1938 г. Состоялся героический беспосадочный перелет самолета „Родина“ по маршруту Москва — Дальний Восток; за 26 час. 29 мин. экипаж самолета, состоявший из героев

Советского Союза: Гризодубовой, Осипенко и Расковой, проделал 6450 км по маршруту, а по прямой 5947 км, что является международным женским рекордом как по прямой, так и по ломаной линии.

25 сентября 1513 г. Испанский мореплаватель Васко Бальбоа (1475—1517 г.) открыл океан, впоследствии названный Тихим.

26 сентября 1935 г. Скончался замечательный русский путешественник по Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов.

Что читать об этих событиях:

Лебедев, Н. К. Впервые вокруг Земли. Путешествие Магеллана, Изд. 2-е. Учпедгиз, М., 1935.

Новиков, Н. Русские кругосветные мореплаватели. Госуд. Воен.-Мор. изд. М.-Л., 1941, стр. 131—204 (Ф. П. Литке).

Молоков, В. С. Три полета. Изд. Главсевморпути, Л., 1939.

„Глобус“ — геогр. ежегодник для детей на 1938 г., раздел „Арктика и Антарктика“ (о походе ледореза „Федор Литке“).

„Глобус“ — географич. ежегодник для детей на 1939 г., стр. 145—151, (о перелете самолета „Родина“ из Москвы на ДВ).

Бронтман, Д. и Хват, Л. Героический перелет „Родины“. Госполитиздат. М., 1938 г.

Аусвейт, Л. Как открывали земной шар. Детиздат, М., 1939. (об открытии Тихого океана Бальбоа).

Ис. Слоним

О АУЛЕЙ, АУЛЕЙ, АУЛЕЙ!

Виталий Бианки

Рис. В. Курдова

К середине апреля лед потемнел, побурел, кой-где отошел от берегов, и в самой середине озера образовалась полынья. Как огромный синий-синий самоцвет засияла на солнце освобожденная вода. И утром, днем, вечером — когда ни взглянешь, — на ней сидят, спускаются или поднимаются стаи пролетных уток, а ночью слышится с полыньи их неумолчный гортанный гомон.

В сильный полевой бинокль я хорошо различал их с берега. Все это были нырки: гоголя, чернеди и спешащие на далекий север морянки-аулейки — чернобелые, с острыми как стрелы хвостами. Впрочем, морянок-то я различал и ночью: по их крику, совсем непохожему на кряканье, гогот, свист других уток. Звонким, напористым голосом они как бы зовут, призывают издали-далека кого-то, чье имя — Аулей:

— О Аулей, Аулей, Аулей!

Кряквы, шилохвосты, свиязи и другие мелководные утки полыньи не посещали. Им тут нечего делать: середина озера очень глубока, а они ведь достают себе еду со дна, не ныряют, а только опрокидывают в воду переднюю половину своего тела. Нырки же едят рыбу, и могут ловить ее даже подо льдом.

Последние дни в поднебесьи, над озером, шли лебеди. Их могучие ликующие голоса покрывали собой все другие весенние звуки, песни и крики. Волновали они меня необычайно своей неописанной красотой.

Я читал в книжках: крик лебедя сравнивают с серебряной трубой. В жизни не слышал труб, сделанных из серебра. Но трубы — какие-то большие, неведомые, сказочные трубы — клики лебедей, действительно, напоминают, — хоть не слышал я и сказочных труб.

Три дня назад, утром, эти победные трубы ворвались в мой сон и властно прервали его. Мне показалось, они прогремели совсем низко, над самой крышей моей избушки.

Я спал, не раздеваясь, и сейчас же выскочил с биноклем на берег.

Двенадцать великолепных птиц, величаво поднимая и опуская широкие крылья, косым углом плыли уже над противоположным берегом озера. В ярком свете поднимающегося из темного леса солнца их белоснежные тела и крылья отливали ослепительным серебром.

„Вот отсюда и взялось сравнение с серебряными трубами“, — подумал я.

И еще подумал, что косяк дает круг, снижается, — верно, хочет сесть на озере.

В этот миг под ним, на стене темного леса, блеснул быстрый злой огонек, и вспыхнуло белое облачко дыма.

Я не поверил своим глазам — быстро навел бинокль на это место. Тут донесся до меня звук выстрела, и я увидел на том берегу маленькую фигурку охотника.

Сомнений быть не могло, стрелок бил по лебедям — и бил метко: косяк расстроился, лебеди сбились и пошли вверх, а один из них отстал и как-то боком, загребая одним крылом, снижался по кругу к середине озера.

„Дорого тебе станет этот выстрел“, — в гневе подумал я про охотника. Но он уже повернулся и поспешно скрылся в лесу.

Наш охотничий закон запрещает бить лебедей. За убийство этой прекрасной птицы суд присуждает виновного к большому штрафу. Уже мало остается на земле таких глухих мест, обширных озерных крепей, где, таясь от человеческого глаза, в огромных гнездах из камыша и вырванного из собствен-

ной груди луха, выводят эти сказочные птицы своих розовоногих пушистых птенцов. Редки становятся лебеди даже на наших просторах.

Подбитый лебедь уже сидел на полынье, раскинув по воде правое — видно, раненое — крыло и высоко подняв прямую шею. Это был кликун — самый крупный из наших лебедей: его сразу можно отличить по прямой, немного дикой осанке от чрезмерно-красивых шипунов — живого украшения городских парков всего мира. Сидя на воде, шипун держит крылья горкой над спиной, а шею — всегда плавно изогнутой. Кликун гордо поднимает голову, держа шею во всю ее высоту, плотно прижимает крылья к телу.

Отыскав глазами его товарищей, я увидел их над дальним концом озера. Они опять выстроились косяком и медленно, мерно взмахивая тяжелыми крыльями, на большой высоте спокойно уходили от опасного места.

И тут, сидевший на полынье кликун начал кричать.

— Кринг-клю-у! — кричал покинутый лебедь звенящим, хрипловатым голосом. В певучем его крике слышалась боль, слышалось отчаяние, слышался тоскливый зов. Да: отчаянный зов.

— Кринг-клинг-кланг-клю-у! — издалека отозвалась ему стая.

— Кринг-клю-у! — отчаянно звал раненый. И стая повернула. Косяк сделал широкий круг, перестроился в одну линию, снизился и, перестав шевелить крыльями, пошел на посадку. Раненый замолчал.

Я видел в бинокль, как лебеди один за другим спускались на воду, поднимали две стены брызг и некоторое время с разгону двигались по воде. Потом стая сплылась, и я перестал различать между ними раненого.

Не хочется рассказывать, что было дальше. Все и так понятно: ведь лебеди, как и мелководные утки, не могут кормиться на глубине. Они достают себе еду, погружая длинную шею в воду — со дна, мелкого дна.

Через два часа стая, тяжело поднявшись с воды, стала на крыло и, снова выстроившись косым углом, продолжала свой путь на север, к своим гнездовьям.

Раненый опять закричал. Как он кричал! Пусть другие думают, что хотят, а я уверен, что он знал свою судьбу; он был обречен на голодную смерть.

Существует легенда, что лебедь поет перед смертью. Да, этот певучий крик можно было назвать песней. Мне она казалась звуком неведомой трубы.

Я пытался спасти раненого лебедя. Но это было невозможно. Рыбаки только головами качали на мои просьбы помочь мне: не только лодки нельзя было дотащить до полыньи, но уже и пройти по трещавшему, крошащемуся под ногами льду было рискованно. Лебедь плавал в самой середине быстро увеличивающейся полыньи и не при-

ближался к ее ледяным берегам. Не в силах больше выносить его крика, я ушел из дома — из избушки на высоком берегу озера. Но долго еще в дороге преследовал меня могучий, тоскливый трубный крик.

Я вернулся домой через два дня утром.

Лебедь больше не кричал. Его не было видно на полынье.

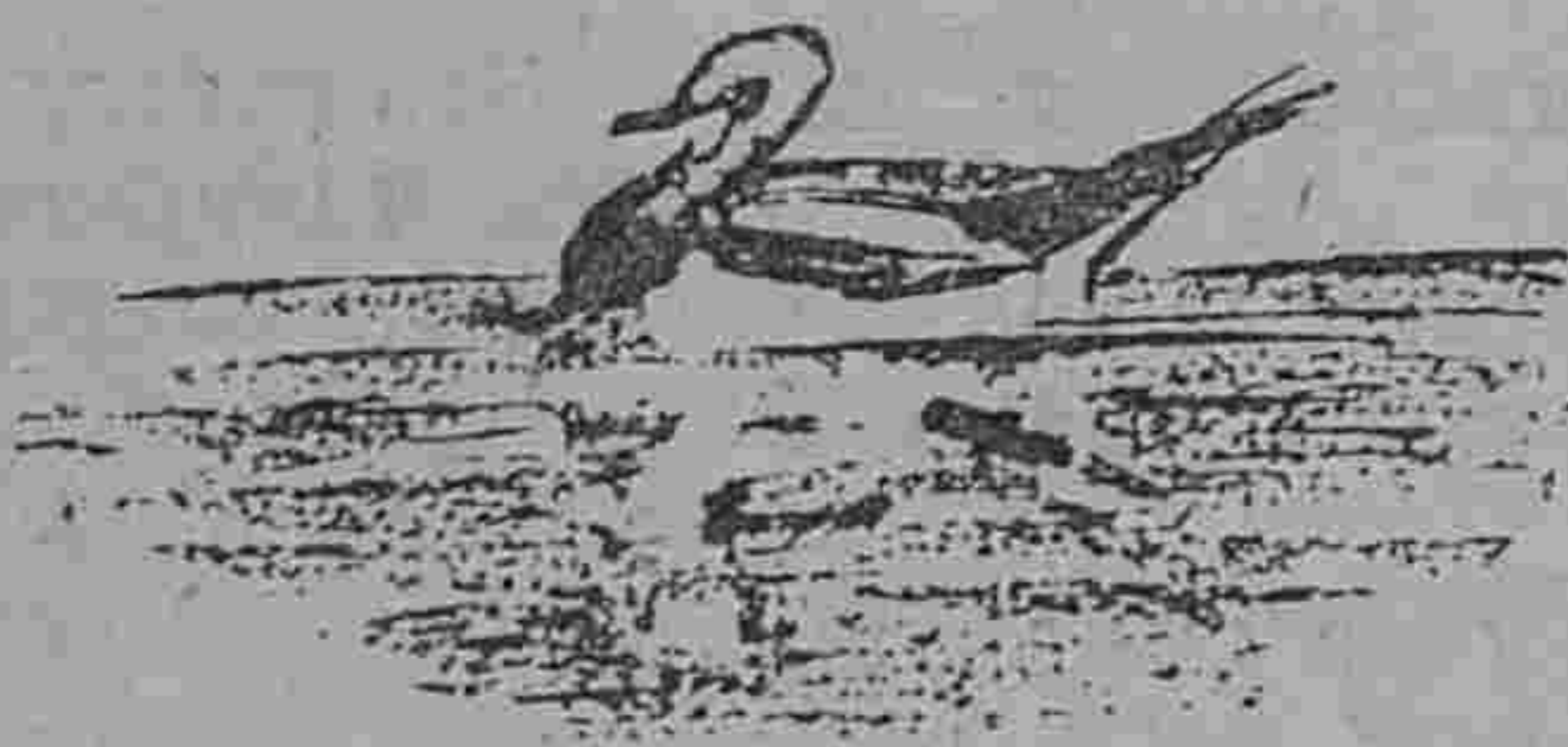
В бинокль я разглядел на закрайке льда большое алое пятно, и по всему льду озера — от леса до полыньи — легкие цепочки лисьих следов.

Может быть, ночью лебедь вышел на лед — хотел идти к берегу, к мелкому месту, и тут достался хищникам, — не знаю.

Лебедя не стало. С полыньи доносился опять только звонкий зов морянок:

— О Аулей, Аулей, Аулей!

Стаи снимались с озера, летели на север — к своим гнездовьям.

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Какая глушь! Здесь даже в мае
Туманы тянутся с утра...
В Енисаари вбиты сваи
По приказанию Петра.
Его суровой воле внемля,
Как только сполз к заливу снег,
Стал осушать в болотах землю
Непобедимый человек.
В зеленом бархатном камзоле,
Всегда суров и тороплив,
Выходит Петр в пустое поле,
На серый сумрачный залив.
Князя с ним — Зотов и Голицын
Выходят быстро из шатра...
Здесь будет новая столица
Стоять под именем Петра!
И пусть волна бежит под ноги
И серой галькою звенит, —
Сюда протянутся дороги,
Нева оденется в гранит,
Придут фрегаты и галеры
В сквозную северную ночь...
В лице Петра так много веры
И жажды Родине помочь!

Встает рассвет над сизым бором
В глухом, болотистом краю,
И птицы первым разговором
В лесах приветствуют зарю,
И мимо — с самого утра —
Идут сподвижники Петра.
Идут одетые в лохмотья,
С натужной выпуклостью вен,
Неутомимые в работе
Крестьяне русских деревень.

Идут косматые, босые
Чернорабочие России;
На плечи взваленные бревна
Несут, ни разу не присев.
Звучит приглушено и ровно
Широкий медленный напев:
Про Волгу у чужой реки
Поют протяжно мужики.
Летят опилки золотые
На землю проливным дождем,
В леса вонзаются глухие —
За трактом тракт, за домом дом.
Смолистый дух бодрящ и стоек,
Крепки весенние ветра...
С весны у начатых построек
Все чаще видели Петра;
Рукою жилистой и грубой
Царь, преисполнен русских сил,
Со всеми вместе ставил срубы
И сваи скобами крепил.

О Русь! Великих сил источник!
Ты в эти сумрачные дни,
Ты в эти сумрачные ночи
Всегда стояла перед ним!
Ты подходила к изголовью,
Ты подымалась у костра,
Ты чудодейственной любовью
Вела на подвиги Петра.
Он знал: отныне вверх и прямо
Пойдет родимая страна. —
Судьба Гангута и Гренгама
Уже была предрешена.
Греметь победам русским, множась!
Пройдут недолгие года, —

Мастеровые всех художеств
Стекутся толпами сюда,
И станет город — чудом света,
И к невским водам золотым
Со всех концов придут поэты
За вдохновением своим!

Прозрачен вечер. Синевою
Покрылась тихая вода.
Неярким светом над Невою
Зажглась Полярная звезда.
Потом, в дрожании ленивом —
Другие звезды наугад.
И вот тогда лишь над заливом
Расцвел малиновый закат.
Сверкнули сумрачные ели
У непокорных берегов,
Но от зари порозовели
Рубахи спящих мужиков. —
И снилось им: они под старость
Ведут рассказы в деревнях
О том, как слава им досталась
На покоренных берегах.

И этой майской ночью белой
Земля видна была, как днем.
Она дрожала и горела
Каким-то внутренним огнем. —
Как будто выхода просила
Земли невиданная сила.
Нет, ни за что на целом свете
Не победить такой земли!..

Владимир Торопыгин
(Литературная группа
Дворца Пионеров)

ВАЛЕНКИ

Л. Будогосская

Рис. Н. Петровой

Мы печатаем отрывок из большой повести Л. Будогосской „Записки часового“. Герой повести — медицинская сестра. Во время блокады медсестрам приходилось не только ухаживать за ранеными бойцами, но и охранять госпиталь.

Автор детских книг „Повесть о рыжей девочке“, „Повесть о фонаре“ и других — писательница Л. Будогосская всю блокаду жила в Ленинграде и работала как медицинская сестра в одном из госпиталей. В новой книге „Записки часового“ Л. Будогосская рассказывает о своей работе в госпитале.

По-моему, лучше всего становиться на пост в четыре утра.

Так тихо кругом. В это время немец не стреляет. Он старается бить, когда трамваи и улицы полны.

И в это время госпиталь еще спит. Делать нечего. Можно все вокруг себя разглядеть и думать про самое дорогое.

В четыре утра хорошо даже на самом трудном посту. У ворот, на дворе, уже светло, и начинают чирикать птички.

Какое счастье, что они уцелели! Слышать их можно только сейчас, когда не шумят машины и не перекликаются на дворе голоса.

За порогом будки — земля. Она серая, с мелкими камушками, крепко утопанная. И все же смотреть на нее хорошо. Земля — не асфальт. Около самой стенки будки пробилось несколько травинок. Бурьян среди них. Всего один маленький тоненький бурьянчик. Его я очень люблю. Гляжу на него и наш дом вспоминаю.

Когда появляется солнце, я открываю дверцу будки, которая ведет в переулок, и стою с винтовкой на пороге. Сюда падают первые лучи, и я подставляю им лицо.

Вот так впервые я бурьянчик заметила. Тоненький, чуть выше других травинок, он тоже тянулся к солнцу. Разом всё вокруг меня изменилось, я не стою на пороге, а иду по крепко утопанной дорожке среди бурьянов и лопухов. И у меня не винтовка, а пустое ведро. Рукава до локтей засучены. Солнце — не утреннее, нет — полуденное солнце согревает мне руки и лицо.

Это наш двор с зарослями сильного бурьяна и широких мягких лопухов. Дорожка ведет к колодцу. Меня послала за водой мама.

Когда она послала, почему-то идти не хотелось. А ведь хорошо было ходить по этой дорожке. За лопухами и бурьяном протянулась изгородь. Она отделяет от двора сад. И там яблони, пышная яркая зелень на грядках, цветущие кусты. А главное — тишина!..

Кто знает выхлоп? Звук вдалеке. Он легкий, как будто из бутылки выскочила пробка. Но сердце сжимается, потому что это из ствола немецкого орудия вылетел снаряд. И вслед за этим отвратительный свист пронесется в воздухе, а за ним — оглушительный удар.

А разве я слышала хоть единый выхлоп на той дорожке, дома? День могла простоять прислушиваться, и ничего бы не услышала, кроме гудения шмелей. Такая тишина...

Седые мамины волосы короткие. И такие мягкие, тоненькие, особенно на висках. Кажется, дунешь — улетят, как пушинки одуванчика. Ее любимое место — в кресле. Здесь она всегда сидит и читает. Войдешь в комнату — продолжает сидеть неподвижно, только губы шевелятся.

Она читает про себя, шевеля губами, как читала я, когда была маленькая. Наконец поднимет голову и посмотрит, кто вошел. Глаза карие, умные, сквозь очки кажутся огромными. „Ах, это ты?“ — и на лице расцветет улыбка.

Мне она всегда рада. Даже если меня не было в комнате всего лишь десять минут.

„Ты наверное уже хочешь кушать?“ — говорит она. Снимает очки и откладывает книгу в сторону. Дымящийся борщ или густое клюквенное варенье, — разве возможно вспомнить об этом без нее?

От прогулок в лес и на реку она отказывалась.

— Мне ходить трудно! — говорила она. И правда, походка у нее становилась все более неуверенной, даже заплетающейся. То и дело потирает она свои красные, ознобленные руки. Но от школы, где она преподавала, она ни за что не хотела отстать. И ей оставили в вечерние часы один-два урока.

Вот приготовит она обед, после обеда все уберет, сложит свои книжки, очки, и отправляется в школу. Наверное, самое трудное для нее было — это дорога в школу, а особенно обратно, когда она совсем устает. Один раз она так сказала:

— Хорошо, что когда я домой возвращаюсь, на улице темно. По крайней мере никто не видит, как я иду.

Не понимала я тогда, что значит трудно ходить, потому что меня ноги так и носили. Прямо земли под собой не чувствовала.

А пришла война, наш дом сгорел. Маму увезли далеко на Урал. А я осталась здесь, в Ленинграде.

И в ту тяжелую зиму руки стали у меня красные, ознобленные. Точь в точь, как у мамы. Я не знала, куда их девать... А ноги, — ноги от голода опухли, отяжелели и, еле живая от усталости, от бессонных ночей, я бродила по промерзшим коридорам и палатам госпиталя...

Мама, мамочка! Вот когда я поняла, что значит трудно ходить.

Представляю себе нашу улицу. Ты потихоньку идешь, зажав подмышкой книжки. Грязно, скользко, а башмаки у тебя стоптанные... Даже соседка сказала мне:

— У твоей мамы башмаки текут.

А зимой ей так хотелось валенки. Ведь на самом деле, нужны же ей были теплые сухие валенки! И валенки я так ей и не удалось купить.

Меня опять на тот же пост поставили, к бурьянчику. Только вечером. Стою с винтовкой у ворот, пропускаю машины. Вдруг бежит через двор наш почтарь и дает мне письмо. Письмо с Урала, от мамы.

„Ходила я в лес за хворостом... — пишет мне мама. — Ведь лес от дома совсем недалеко, но был ветер, и ветер сшиб меня с ног, вот какая я стала слабая. Домой меня уже притащили. И с тех пор мне не подниматься. Лежу одна... Где ты, мое солнышко?“

Меня берет отчаяние, наверное, больше тебя я не увижу... не доживу...“

Я положила письмо в карман; что еще я могла сделать? Так и не читала больше и не вынула из кармана. Пришла мне смена. Я поднялась на пятый этаж, в комнату, где живу с аптекаршей Дашенькой. Наши койки стоят одна против другой.

Спать хочу, раздеваюсь. Дашенька с работы пришла. И также кидается в постель как можно скорее, такая усталая. Но когда мы улеглись, и Дашенька потушила свет, всё от слова до слова в письме я вспомнила. Точно это не маленькими буквами написано, а большими. И я расплакалась...

Дашенька меня окликнула. Молчу. Тогда она встала, снова зажгла свет и ко мне наклонилась:

— Ну, что с тобой?

Я ей рассказала.

— А ты и на самом деле подумала, что она не доживет? — говорит Дашенька. — Напрасно. Просто прихворнула твоя старушка и загрустила. Но ее надо поддерживать.

— Как? — спрашиваю я.

— Немедленно послать денег, чтобы она могла, ну хотя бы, лучше есть.

— Вот это правда, — говорю я. — Например, раньше ей очень помогало молоко... Но у меня сейчас денег нет. Совсем нет денег...

Дашенька подошла к столу и из ящика, где ее вещи аккуратно сложены, вытащила пачку и протягивает мне.

— На, — говорит, — триста рублей. Бери, пожалуйста, все равно так лежат. Отправляй завтра телеграфом.

Я приподнялась, посмотрела на пачку. Потом я посмотрела на Дашеньку, прямо ей в глаза. И взяла. Неправда, что эти деньги ей не нужны. Но в глазах у нее было что-то, отчего я смогла взять.

Просыпаюсь утром. Что у меня так легко на душе? Да, ведь Дашенька мне дала триста рублей. Где они? Вот, под подушкой. Ой, как они мне дороги! Разве я могу дожидаться почтаря? Нет. Я их отправлю сама, как можно скорее. И я попросила увольнительную в город.

Ах, город! Сколько времени иду и не попадается на моем пути соринка. К забору прибит свежеекрашенный ящик для окурков. В палисаднике вскопаны грядки.

Вот это добрый хозяин. Он прибирает так чисто вокруг, в то время, когда немец беспрестанно бьет.

На пригретой солнцем панели поблескивают мелкие осколки стекла, похожие на слезы. Стекло, видно, только что выпало.

На асфальте Биржевой площади заделывают пробойну от снаряда.

Я вот иду и не знаю, донесу до почты триста рублей или не донесу. Ой, только бы донести! И чтобы квитанцию выписали. Тогда будь, что будет.

Только успела мост перейти, — щелкнуло. Что это? Выхлоп? Так и есть. Свистя, несетя через Неву снаряд. И загрохотало где-то совсем близко. Вернуться? Пожалуй, нет. Вон трамвай спускается медленно с моста. На перекрестке у штаба девушка-милиционер, подтянутая, в белых перчатках, как ни в чем не бывало указывает дорогу машинам своей палочкой.

Люди впереди меня, как шли, так и идут. Надо видеть их спокойные спины. Только я одна, что ворона пуганая. Отвыкла ходить по городу. Ведь это даже смешно.

Я пошла за спокойными спинами, все прямо, мимо Казанского собора, под грохот. И донесла до почты триста рублей.

Обратно с квитанцией и вовсе хорошо было идти. А что я видела? Сапоги чистят на улице, сладкой водой торгует киоск, а на лотке продают мышеловки и игрушки. Широко открыты двери кино, плакаты пестрые. „Джордж из Динки-джаза“ идет. Посмотрите, пожалуйста. И это все у немца под носом. Он все еще стоит у ворот.

Я подумала: „А ведь тоже из-за него моя мама теперь одна! Из-за него ей пришлось так далеко уехать. Так, наверное, ему возможно противостоять и в этом? Конечно, возможно. Что бы он ни сделал, а все равно моя мама не будет одна.“ И вот вечером я уже знала, что надо сделать.

Пишу письмо: „Дорогая мамочка. Ты меня встревожила. Послала тебе деньги, чтобы ты могла молоко пить. Тогда ты поправишься! Тебе грустно, что ты одна. Но разве ты

одна? Просыпаясь, я думаю о тебе. Засыпаю — думаю. Разве ты не чувствуешь? В самое тяжелое время мои письма находили тебя. Наверно они из Ленинграда летели по воздуху. А теперь мои письма тебе будут приносить каждый день. Ведь ты любила, когда я тебе рассказывала про себя. И теперь я буду с тобой говорить совершенно так же, как прежде. Всё расскажу в письмах. Ты почувствуешь, что я все время с тобой.“

Письма для мамы я готовлю заранее. В кармане моей гимнастерки карандаш и листочки бумаги, а в кармане шинели блокнот в твердом переплете. Это уже старый блокнот, он мне служит подставкой, — ведь писать приходится на коленях.

На вышке всегда удается писать. На других местах не всегда.

В будке я пишу под утро. Я пишу на отдельных листках то, что мне хочется рассказать маме. Вот именно здесь, на посту, легко составить большое письмо. Кажется, будто мама со мной рядом.

Один раз на вышке порывом ветра унесло в открытый люк мои листки. И мои разговоры долго порхали над крышей, как белые птички. Другой раз я писала в будке, сидя на опрокинутом ящике. Было около пяти утра. И вдруг свист, нарастающий со страшной силой. Ухнуло в переулке. Всколыхнулась моя будка, и я свалилась с ящика. На крышу будки и на асфальт двора посыпались осколки. Притихло. Я вскочила и побежала из будки стремглав.

На дворе ни души. Винтовка со мной, а блокнот остался в будке на полу, и листочки, исписанные мелко, я даже не знаю, куда девались.

Теперь немец бьет и по сонному городу — до того озлился. Обстрел был короткий, но очень жестокий. Стоял такой грохот и треск, что, казалось, ничто не может уцелеть. А в госпитале было совершенно спокойно, как будто продолжали спать.

Одна я стояла в нише, не спуская глаз с ворот. Ежилась от сквозняка. И около самых моих ног прошмыгнула жирная крыса.

Да. Мне было не до листков. Говорила Дашенька, что помогает в беде, когда о тебе все время думает мать. Вот это я держала в уме.

А что пишет мне мама?

„Хорошо ты придумала с письмами, — пишет она. — Я их поджидаю, и они приходят. Одно с вышки, другое точно прямо из будки. Представляю себе эту будочку около ворот, грозу на вышке, шаги твоей

смены. Как мне интересно! И ты стоишь передо мной, как живая..."

Ну вот! Ей стало лучше настолько, что теперь она мне отвечает на каждое письмо.

И почта терпеливо это все доносит. Я начинаю думать все чаще, что можно добиться всего. Разве я не преодолела тысячи километров на зло немцу?.. Преодолела. За тысячу километров согрела маму моя любовь.

А вот еще письмо от мамы. Это я получила сейчас, когда шла с обеда:

„Дорогая моя девочка! Меня приходили навещать из сельсовета. Они знают, что ты в армии в городе Ленинграде. И они мне, как больной матери фронтовика, принесли масла, меду, муки и валенки. Здесь будет зимой очень холодно. Но теперь мне

не страшно. Теперь у меня есть, представь себе, чудесные валенки. Это я получила за тебя. Целую твое милое личико.“

Я прочитала. Валенки! Еще раз читаю. Вот когда валенки! Никто для меня не мог бы придумать лучшего. Есть теперь у моей мамы валенки. И это за меня. Так, значит, и обо мне подумали.

Люди подумали: трудно ей в Ленинграде... Но, верно, она молодчина, делает, что нужно. Так мы здесь старушку ее не оставим. Мы к ней придем вместо дочки...

Вот это называется свои... А я фронтовик. Почему-то раньше я об этом не думала.

Ленинград — город-фронт, конечно, я — фронтовик.

Чтобы я теперь чего-нибудь испугалась!..

МУДРЫЕ ШУТКИ

ОТВЕТ СВИФТА

Однажды великий английский писатель Свифт остановился со своим слугой на постоялом дворе. Утром слуга принес Свифту его сапоги.

— Что это значит, Том? Мои сапоги не вычищены?

— Нет, сэр, — ответил Том, — Вы собирались итти гулять, так я думал: они все равно опять станут грязными.

— Хорошо, — сказал Свифт, — собирайся, ты пойдешь вместе со мной.

— Но я еще не завтракал.

— Не беда, все равно ты опять вскоре проголодаешься.

ОТЗЫВ СТРАТОНИКА

Афинский бродячий певец Стратоник, послушав другого певца, сказал:

— Одно Зевс ему дал, в другом — отказал.

Кто-то из присутствующих спросил:

— Что именно Зевс ему дал и в чем отказал?

— Плохую игру на кифаре он ему дал, а в хорошем пении отказал, — ответил Стратоник.

ГОЛОВА СТАРШЕ

Английский король Карл II, увидев однажды на улице Лондона человека с черной бородой и совершенно седой головой, спросил у него о причине этого.

— Да очень просто, — ответил тот, — голова на двадцать лет старше бороды.

МЕРА ЗА МЕРУ

Французский писатель Альфонс Карр страстно любил садоводство. Он жил в Ницце. Его соседом был некий богатый англичанин, обладатель прекрасной библиотеки.

Однажды Альфонс Карр попросил англичанина одолжить ему книгу, необходимую для работы.

— Это невозможно, — ответил тот. — Я придерживаюсь того правила, чтобы мои книги не выходили за пределы моей библиотеки. Но если вы согласны читать в моей библиотеке, я приму вас с удовольствием.

Спустя некоторое время, забыв об этом случае, англичанин попросил Карра одолжить ему садовую лейку.

Писатель ответил:

— Это невозможно, я придерживаюсь того правила, чтобы мои лейки не выходили за пределы сада. Но если милорд согласен поливать цветы здесь, то пожалуйста!

ДЕМОСФЕН И ВОР

Некий вор, оправдываясь, сказал знаменитому греческому оратору Демосфену:

— Я не знал, что это твое.

Тот ответил:

— Но что не твое, знал достаточно хорошо.

Н. Назарова

Рис. В. Морозова

Охта — это один из рабочих районов Ленинграда, расположенный на правом берегу Невы. Теперь на Охте много каменных домов, асфальтированных улиц, фабрик, заводов, кино, больниц, школ. Охтенский мост, перекинутый через Неву, соединяет Охту с центром города.

История Охты уходит в глубь веков. В 1300 году шведы вошли в Неву и в устье реки Охты построили крепость Ландскрона. Но эта крепость просуществовала всего лишь год. Русские выгнали шведов.

Прошло триста лет. В 1610 году шведы снова строят в устье реки Охты свои укрепления. А у самых зубчатых стен крепости, среди болот и лесов, вырастает городок Ниеншанц.

Орудия крепости преграждают молодому русскому флоту путь в Балтийское море. В апреле 1703 года Петр I посылает войско к устью Охты и начинает готовиться к штурму шведской крепости. Шведы упорно сопротивляются, но огонь русских пушек разрушает до тла крепостные стены, и 1-го мая русские войска входят в крепость. Остатки стен, рвы и вал Петр приказывает засыпать и сравнять с землей. А вскоре на месте Ниеншанца появляются лесопильные заводы, — они готовят тес для постройки кораблей.

И тут же, рядом с заводами, селятся плотники. По соседству возникает верфь для постройки мелких судов. Маленькие домики корабельных рабочих образуют Охтенскую

слободу. Поблизости вырастает и, так называемая, Матросская слобода, в ней живут семьи матросов, служивших на построенных судах.

Через двенадцать лет после завоевания, на Охте строят большой пороховой завод. Машин в ту пору не было, все приходилось делать вручную, даже толочь селитру и уголь. Это был тяжелый, утомительный труд. Рабочие порохового завода селились неподалеку, — их слободу стали называть Пороховыми.

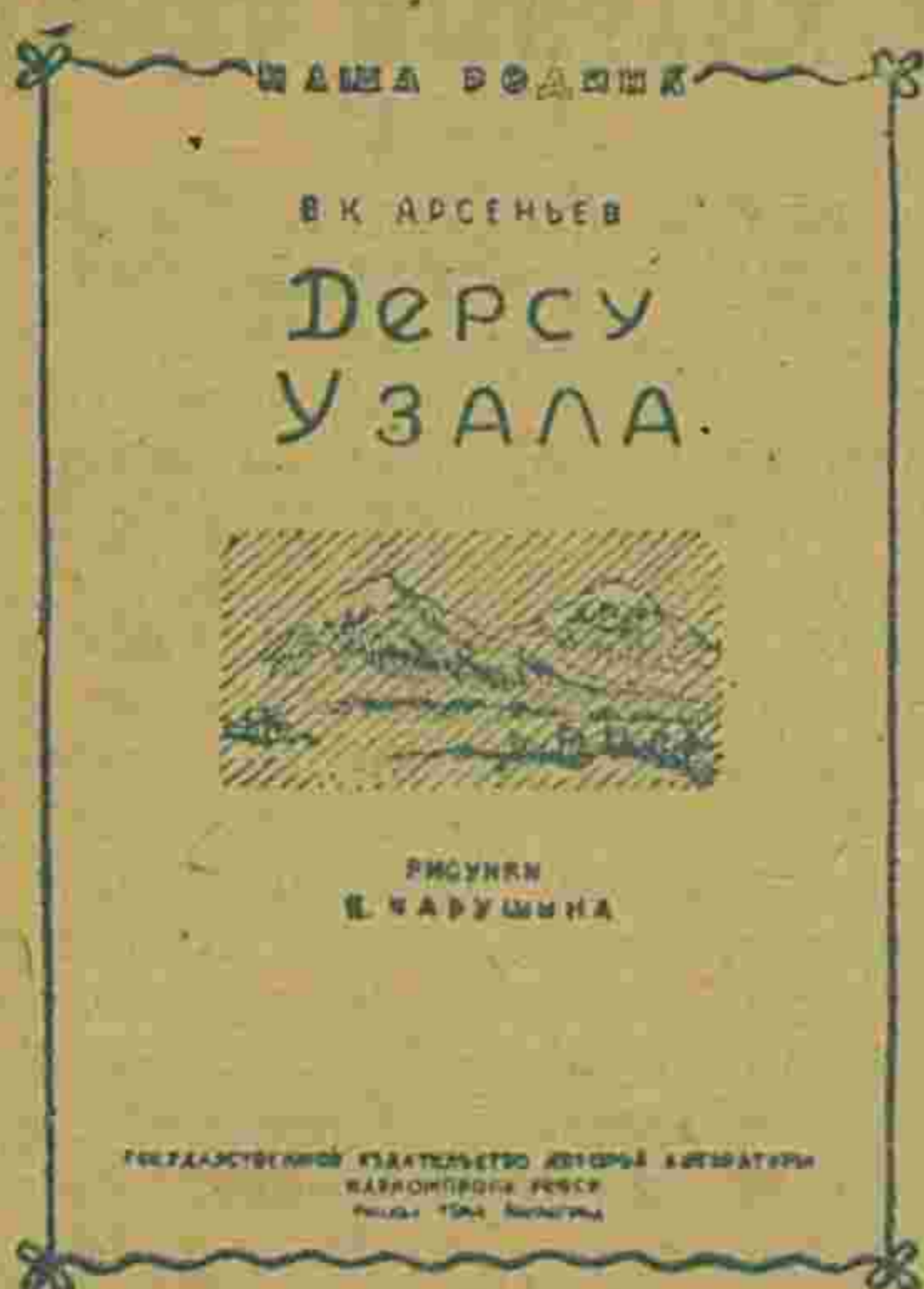
На Охте во времена Елизаветы, дочери Петра, находился еще „острог“ — в нем содержались необычные пленники — медведи. Здесь мишек учили разным хитрым фокусам, дрессировали, чтобы звери могли позабавить царицу и ее придворных. Однажды в остроге случился переполох: Мишка сбежал! Искали, искали, даже полиция не могла найти косолапого. Видно, не по вкусу пришлось „ученье“ медведю, если он удрал и, шатаясь по Охтенской слободе, прятался от людей...

Хоть и немало было заводов на Охте, а все-таки долгие годы ее нельзя было назвать городом. Холмы, поросшие лесом, меж них — небольшая извилистая речка с высокой густой травой по берегам, среди зарослей кустарников ветхие домишки рабочих — такой долгое время оставалась Охта, которую вы все знаете теперь, как благоустроенный рабочий район Ленинграда.

ПРОЧТИ ЭТУ КНИГУ

Дерсу Узала — замечательнейший охотник, следопыт, гольд по национальности; он всю свою жизнь прожил в тайге. Средства к жизни он добывал ружьем и предметы своей охоты выменивал у китайцев на табак, свинец и порох. Винтовка ему досталась в наследство от отца. Он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты.

Для этого удивительного человека не существовало тайн в лесу. Он знал все, что происходило в тайге.

Однажды, когда отряд двинулся по длинному, извилистому ущелью, охотник шел впереди и внимательно смотрел под ноги. Порой он нагибался к земле и разбирал листву руками. Потом Дерсу остановился и сказал, что тропа эта не конная, а пешеходная, что несколько дней тому назад по ней прошел один человек.

В подтверждение своих слов он привел такие доказательства: на тропе нигде не видно было конских следов; по сторонам она не была очищена от ветвей; лошади пробирались с трудом и все время задевали выюками за деревья. Повороты были так круты, что кони не могли повернуться; через ручьи следы шли по бревну, и нигде тропа не спускалась в воду; бурелом, преграждавший путь, не был прорублен, — люди шли свободно, а лошадей обводили стороной.

Все это доказывало, что тропа не была приспособлена для путешествий с выюками.

Еще дальше показался односкатный балаган, поставленный охотниками; осмотрев его кругом, Дерсу опять подтвердил, что несколько дней назад по траве прошел китаец, и что ночевал он в этом балагане. Прибитая дождем зола, одинокое ложе из травы и брошенные старые наколенники из синей материи свидетельствовали об этом...

Жизнь Дерсу Узала была полна интереснейших приключений. Однажды он охотился за изюбрями на притоке реки Даубиха, в самых ее истоках. Здесь в горах вода промыла длинные и глубокие овраги: крутые склоны их поросли лесом. Дерсу имел при себе винтовку, охотничий нож и шесть патронов. Недалеко от бивака он увидел изюбря, выстрелил и ранил его слабо. Изюбрь упал, но скоро оправился и побежал в лес. Охотник догнал его,

опять стрелял четыре раза, но все раны были неубойные, и изюбрь уходил дальше. Тогда Дерсу выстрелил в шестой и последний раз. После этого олень забился в овраг, который соединялся с другим таким же оврагом. Олень лежал в воде, и только плечо, шея, голова его были на камнях. Дерсу сел на камень и ему пришлось выкурить две трубки, прежде чем олень испустил последний вздох.

Тогда Дерсу подошел к нему, чтобы отрезать голову с рогами — пантами, которые так ценятся.

Место было неудобное, у самой воды росла толстая ольха. Дерсу пришлось опуститься на правое колено, а левым упереться в один из камней в ручье.

Но не успел он и двух раз резнуть ножом, как вдруг за шумом воды позади себя услышал шорох. Он хотел оглянуться, но в это мгновение рядом с собой увидел тигра. Зверь хотел наступить на камень, но оступился и попал лапой в воду. Охотник знал, что если он сделает хоть малейшее движение, то погибнет. Он замер на месте и притаил дыхание. Тигр покосился на него и, видя неподвижную фигуру, двинулся было дальше. Два раза он оборачивался назад и усиленно нюхал воздух, но, на счастье Дерсу, ветер был не от него, а от тигра. Не уловив запаха оленьей крови, страшный зверь полез на кручу. Камни и песок из-под его лап посыпались в ручей. Но вот он взобрался наверх. Тут он почуял запах человека. Шерсть на спине поднялась у него дыбом, он сильно заревел и стал бить себя хвостом по телу...

Если вы захотите узнать, чем кончилось это приключение, и о многих других таежных делах смелого, мужественного охотника, прочтите книгу „Дерсу Узала“ В. Арсеньева.

Автор этой книги — исследователь сурового Уссурийского края — еще с детства начал увлекаться чтением книг о путешествиях и далеких странах. Мальчиком он пристрастился к рыбной ловле, а уже позднее — подростком, вместе со своим товарищем совершал небольшие путешествия сначала однодневные, а потом и более длительные по реке Тосно.

Так пробуждался интерес к географии, к путешествиям. В это время Арсеньев с увлечением читал записки таких путешественников, как Потанин, Пржевальский, Дарвин и других.

В пехотном юнкерском училище, куда поступил В. Арсеньев, он встретился с известным исследователем Средней Азии Грум-Гржимайло. И это решило судьбу Арсеньева, — он стал географом. Свое первое путешествие он совершил при переходе на Дальний Восток. А позже, в 1906 и 1907 годах, Арсеньев предпринял две большие экспедиции для исследования дикого и сурового Уссурийского края. Проводником Арсеньева в обеих экспедициях был искусный охотник Дерсу Узала. Ему Арсеньев был обязан жизнью, — гольд спас его от гибели во время свирепой пурги.

Обе эти экспедиции Арсеньев описал в своей книге „Дерсу Узала“, которую он посвятил своему другу по странствованиям.

Алексей Максимович Горький так отозвался о книге: „Я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, наверное, неплохая похвала“.

Эта книга о суровой природе далекого Уссурийского края, о жизни охотника, полной труда и опасностей, где каждый промах грозит гибелью, где люди охотятся не для развлечения, а обороняясь от зверей и добывая себе пропитание. Эта книга правдива и увлекательна.

Шахматы

Отдел ведет мастер спорта СССР А. О. Герbstман

„МАТЧ XX ВЕКА“

В первых числах сентября 1945 года состоялось никогда еще невиданное в истории шахмат соревнование. Чемпион США по шахматам Денкер назвал его „Матчем XX века“. И это справедливо. Ведь состязались две команды, находившиеся в разных полушариях, на расстоянии двенадцати тысяч километров одна от другой.

1 сентября советские шахматисты собрались к пяти часам дня в Центральном Доме Работников Искусств в Москве, а их противники — шахматисты США — в Нью-Йорке, в Гудсон-отеле к 10 часам утра. Матч между командами Советского Союза и Америки велся по радио. Это значит, что противники играли, не видя друг друга, и ходы передавались по радио.

Вот секундант московского шахматиста быстро записывает очередной ход, потом зашифровывает его и передает бланк на установленную в этом же здании радиостанцию. Проходит 20—30 секунд. За эти мгновения маленькая радиogramма „пролетает“ над поверженной Германией, над освобожденной Францией, над гладью Атлантического океана и „опускается“ в Нью-Йорке, где ее ждет американский секундант. Он расшифровывает этот заокеанский ход и чуть торжественно вручает игроку, которого он обслуживает. Теперь в Москву „летит“ подтверждение: ход получен и вручен. Ведь крохотной радиogramме не трудно заблудиться в необъятных просторах эфира!

Но все в порядке, в исключительном порядке: ни одно из 20000 слов, посланных за океан во время матча, не пропало, ни разу не было путаницы! Игроки все время находились в боевой готовности: ответные ходы из-за океана могли последовать каждое мгновение.

Заочные шахматные встречи происходили и в прошлые годы, но тогда игрок не спеша обдумывал ход, записывал его и, запечатав в конверт, отправлял по почте, или, в лучшем случае, по телеграфу. И ждал: когда-то еще ответ придет! Партии же матча XX века продолжались всего в полтора раза дольше обычного.

Команды Советского Союза и Соединенных Штатов Америки одни из сильнейших в мире. В той и другой команде — игроки мировой величины, в Америке — это достойные ученики школы Ф. Маршалла и Х. Р. Капабланки, в России — не менее достойные преемники М. Чигорина: абсолютный чемпион СССР Ботвинник, чемпион Москвы Смыслов, чемпион Украины Болеславский и другие.

Матч продолжался четыре дня. Было сыграно 20 партий, по две каждым участником. Из них советские шахматисты выиграли 13, проиграли 2 и 5 свели вничью. Это невиданный результат для международных матчей. В советской команде нет игрока, который не дал бы своей команде хотя $\frac{1}{2}$ очка! Среди американцев — пятеро закончили матч с нулевым результатом.

На первых трех досках гроссмейстеры Ботвинник, Смыслов и Болеславский выиграли 5 партий

из 6, и одна закончилась вничью. Про эту „ничью“ американский гроссмейстер Файн сказал, что партия с Болеславским — одна из самых трудных партий для него за последнее время.

XIV ШАХМАТНЫЙ ЧЕМПИОНАТ СССР

В начале июля в Москве закончился большой шахматный турнир — четырнадцатый шахматный чемпионат СССР. Состязание продолжалось более месяца и закончилось блестящей победой многолетнего чемпиона СССР М. М. Ботвинника: он, сыграв 17 партий, набрал 15 очков, не проиграв ни одной партии.

Второе место занял молодой мастер Болеславский. На третье место вышел самый юный участник соревнования Бронштейн. Следующие три места разделили (т. е. завоевали равное количество очков) гроссмейстеры Бондаревский и Котов и мастер Константинопольский. Далее, тоже с равным результатом оказались гроссмейстер Лилиенталь и мастера Рагозин и Рудаковский.

На 10-м и 11-м местах — гроссмейстер Смыслов и мастер Чеховер, на следующих двух местах — мастера Алаторцев и Толуш; далее последовательно идут мастера: Кобленц, заслуженный мастер Романовский, мастера Ратнер, Кан и Гольдберг.

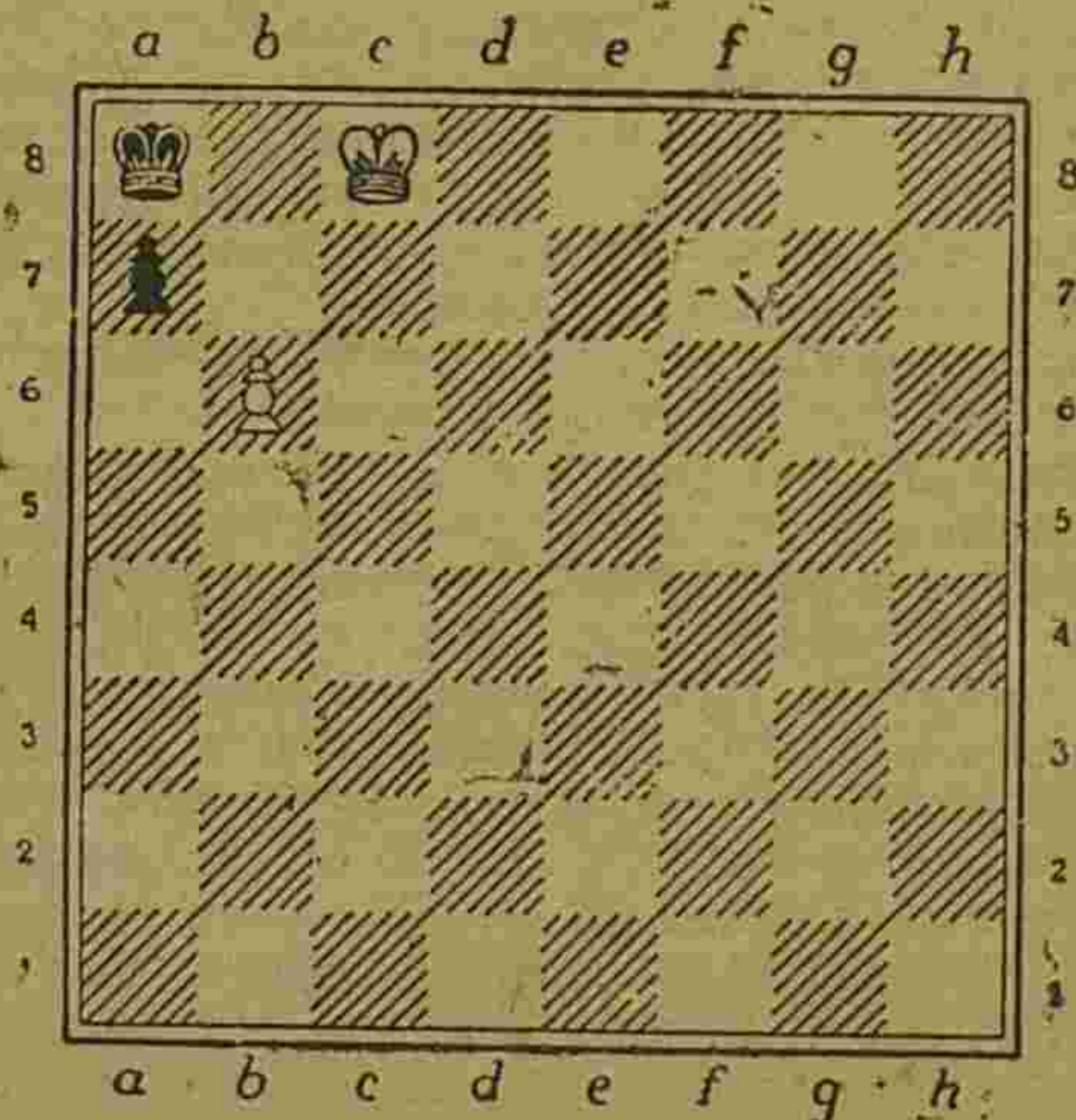
Выдающегося советского шахматиста В. Смылова, выдвинувшегося из пионерских рядов, постигла в этом состязании серьезная неудача. Но пусть неуспех Смылова не слишком огорчает наших читателей: подобные неудачи случались с самыми знаменитыми мировыми шахматистами и носили, обычно, временный характер.

На турнире было сыграно немало интересных партий. Самые лучшие из них будут помещены в следующих номерах „Костра“.

КТО ВЫИГРЫВАЕТ — БЕЛЫЕ ИЛИ ЧЕРНЫЕ?

ЗАДАЧА № 1

Легко установить, что выигрывает тот, кто начинает: если ход белых, то 1. b6—b7 — мат черным: если ход черных, то 1. . . . . a7:b6 и черные выигрывают, беспрепятственно проводя пешку в ферзи. Как же узнать, чей ход в положении, приведенном выше? Подумайте и найдите решение.

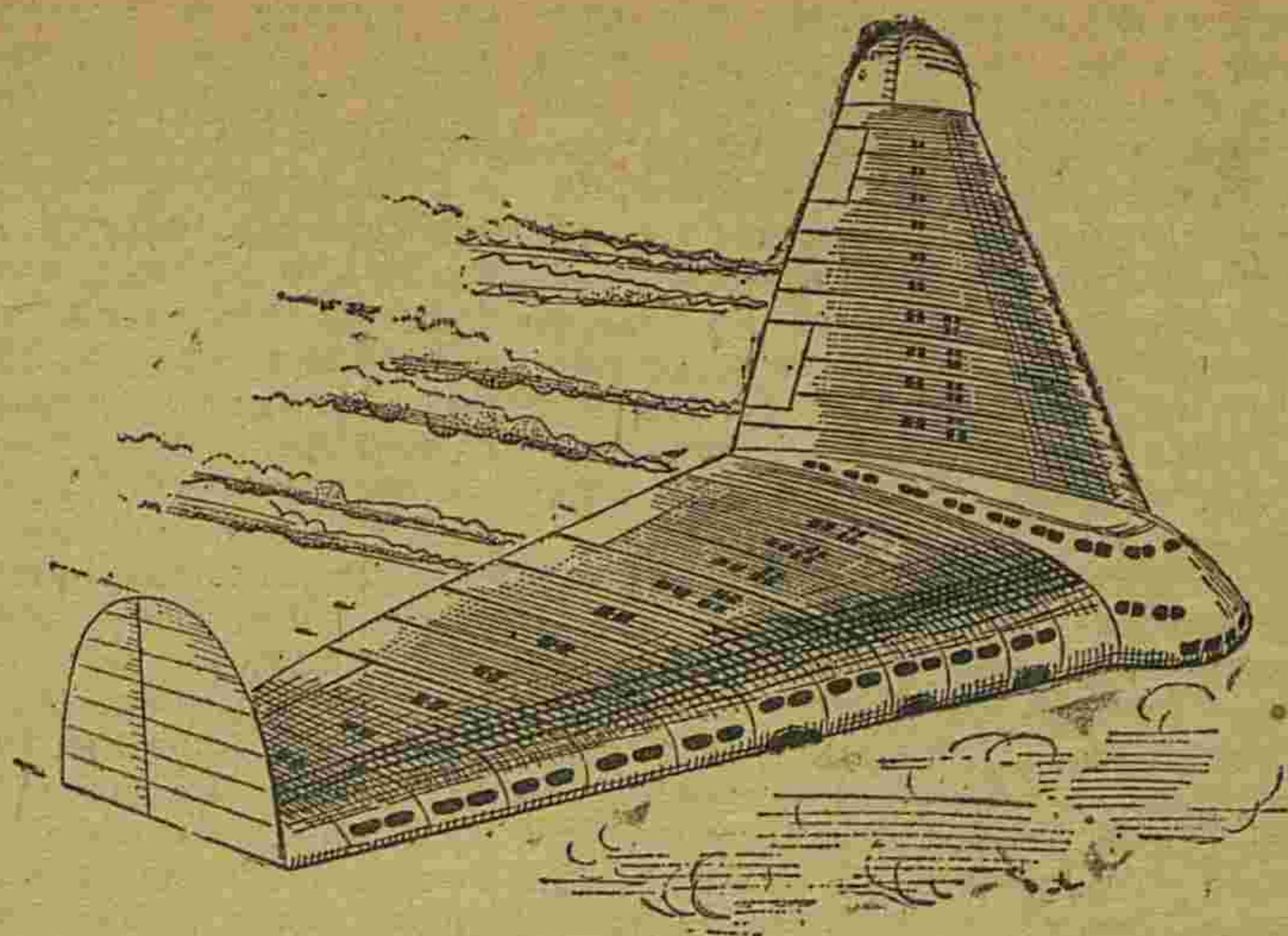

Решения пришлите в редакцию „Костра“, укажите имя и фамилию, сколько лет, где учитесь, давно ли играете в шахматы, адрес.

ЛЕТАЮЩЕЕ КРЫЛО

А. Антрушин

1955 год... На одном из советских аэродромов приземляется огромный воздушный корабль. Он так велик, что его гусеничные шасси не меньше целого автобуса. Это совсем непривычный для нас воздушный корабль — без жужжащих пропеллеров, фюзеляжа и других знакомых нам деталей. Это воздушное крыло. При посадке оно выпускает особые металлические гусеницы и плавно касается бетонной дорожки. К этому гиганту (назовем его „Небесная стрела“) быстро подкатывает пара механических лестниц-эскалаторов — и пассажиры, вчера покинувшие Нью-Йорк, спускаются на советскую землю...

Сейчас такие машины еще не строятся. Но возможно, что нынешние школьники лет через десять будут строителями и пассажирами этих удивительных самолетов.

Перенесемся мысленно на десятилетие вперед и рассмотрим „Небесную стрелу“. Это настоящий воздушный корабль: в нем сто двадцать спальных мест, мощные механизмы, запасы горючего для полета на расстояние до десяти тысяч километров и экипаж в двадцать человек. Двухэтажное крыло имеет размах в девяносто шесть метров и полетный вес до ста семидесяти пяти тонн.

„Небесная стрела“ — стратоплан. Он специально приспособлен для дальних, беспосадочных полетов в стратосфере — этом втором „этаже“ воздушного океана. Чтобы летать быстрее, нужно летать

выше. На высоте пятнадцати тысяч метров воздух очень разрежен, его плотность в девять раз меньше обычной. Здесь всегда держится сильный мороз в 55 градусов. Самолет встречает поэтому ничтожное сопротивление совершенно сухого, разреженного воздуха.

В заоблачных высотах постоянно дуют ветры, всегда в одних и тех же направлениях. Это удобно для воздухоплателей: зная, где какой дует ветер, можно воспользоваться попутной струей и, тем самым, еще увеличить скорость больше чем на сто километров в час. В стратосфере не бывает ни шторма, ни урагана, ни снегопада, ни тумана, ни дождя. И поэтому для самолета нет опасности обледенения.

Но человек и его летающая машина являются непрошенными гостями в безграничных просторах стратосферы. Природа сурово встречает их вторжение. Чем выше поднимает человек свой самолет, тем труднее становится борьба с двумя смертельными врагами: жестоким холодом и низким давлением воздуха.

В нижнем этаже атмосферы, на высоте шести-семи тысяч метров, пилоту достаточно теплой одежды, чтобы согреться, и маски с кислородным баллоном, чтобы дышать.

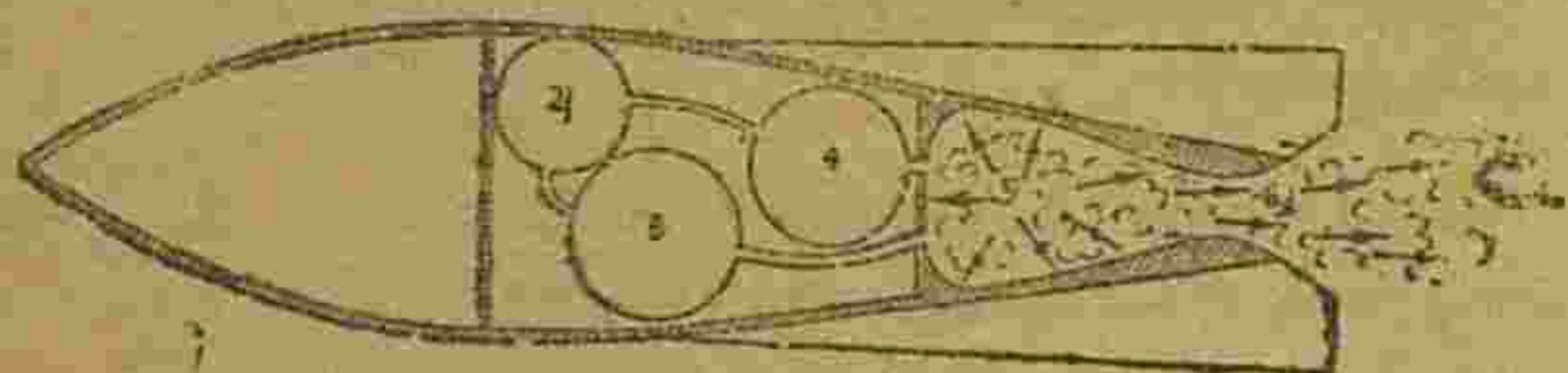
Совсем другие условия в стратосфере. Здесь мотор может работать только с помощью очень сильных и тяжелых машин, нагнетающих недостающий воздух.

Это — непосильное бремя для самолета. Что же касается самого человека, то ему не поможет даже кислородная маска — так велико разрежение воздуха. Есть один способ сохранить на этой высоте жизнь человека — создать в помещениях стратоплана условия, похожие на привычные нам, земные. Для этого корпус „Небесной стрелы“ делают очень прочным, как например, в подводной лодке. С той лишь разницей, что стены „Стрелы“ противостоят внутреннему, а не внешнему давлению.

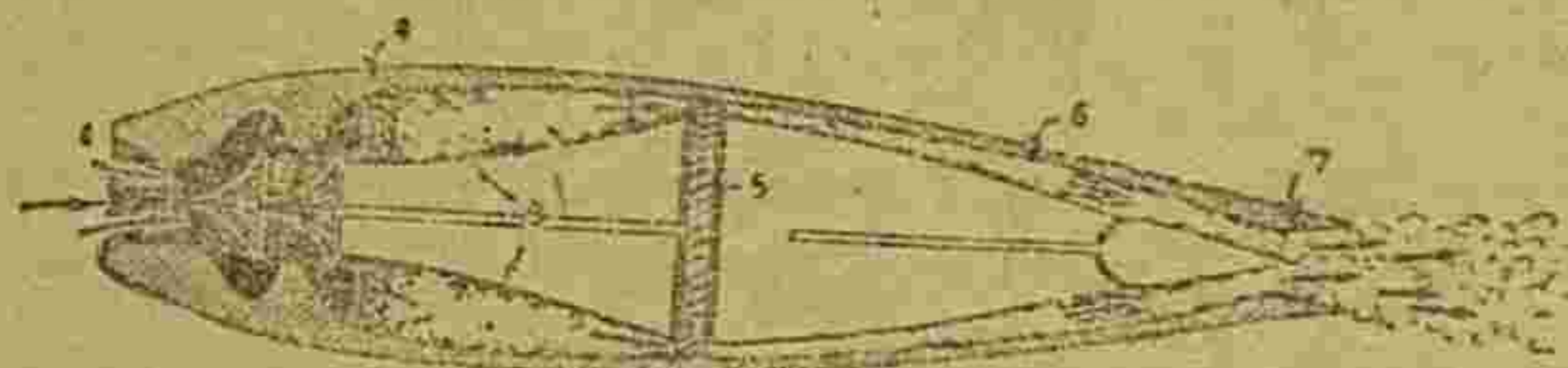
Внутри стратоплана тепло и уютно. Снаружи он хорошо защищен от потери тепла изолирующей пастой и покрыт нетеплопроводным лаком. Свежий воздух, получаемый извне, уплотняется, нагревается и обогащается нужным для дыхания кислородом и по алюминиевым трубам передается во все кабины. В верхнем „этаже“ „Небесной стрелы“ расположены гостиная с киноэкраном и площадкой для танцев, библиотека, курительная, детская и ресторан, а также пассажирские кабины, в нижнем — экипаж и все служебные помещения.

Вместо бесполезных в стратосфере авиамоторов с пропеллерами, „Небесная стрела“ имеет шесть воздушно-реактивных двигателей, плавно толкающих обтекаемое крыло, со скоростью до восьмисот километров в час.

Газы в двигателях „Небесной стрелы“ вырываются из двигателей назад, а летающее крыло

Так устроена ракета

Воздушно-реактивный двигатель

толкается вперед. Здесь происходит то же, что и с лодкой, когда вы прыгаете с нее на берег: она отталкивается в противоположную сторону. Эти двигатели сообщают крылу скорость полета в семьсот километров в час.

В „Небесной стреле“ пассажиры совсем не слышат гула пропеллеров, не испытывают сотрясения кабин. Шум двигателей не достигает пассажиров летающего крыла.

„Небесная стрела“ имеет форму летающего крыла не спроста.

Когда самолет летит, перед крылом воздух сжимается и позади разрежается. А если полет происходит в очень редком воздухе, да еще с огромной скоростью, то вокруг хвостовой части фюзеляжа создается почти пустота, и рулям там нечего делать — не на что опереться. Поэтому рули стратоплана перенесены на концы крыла, и хвостовая часть фюзеляжа оказалась совершенно лишней. Осталось одно летающее крыло, которым управлять гораздо проще, чем обычным самолетом.

Вы будете удивлены тем, что для полета в стратосфере „Небесная стрела“ должна подниматься

на высоту в пятнадцать тысяч метров целых полтора часа. А между тем поднимается она очень быстро — три метра в секунду.

С высоты 15 километров пассажиры не увидят поверхности ни земли, ни океана — под ними будет расстилаться только фантастическое море волнистых облаков. Солнце и звезды будут их единственными путеводителями.

Перед посадкой, пилот начинает спуск за час и более. Спускается летающее крыло как планер, и это экономит горючее.

„Небесная стрела“ может совершать посадку при любой погоде. При густом тумане, например, посадка производится вслепую, по приборам. Изумительные радиопосадочные механизмы уверенно ведут стратоплан в аэропорт, осторожно направляют его на бетонную дорожку и приземляют одновременно на три гусеницы так плавно, что спящие пассажиры даже не пробуждаются.

Гусеницы стратоплана металлические, потому что резиновые покрышки и камеры колес не выдержали бы жестокого холода и сделались бы хрупкими, как стекло.

Окна „Небесной стрелы“ нельзя

делать из обычного стекла. Они бы не выдержали быстрой смены жары и холода и мигом бы лопнули. Плитки из прозрачной пластмассы, необычайной стойкости, на высоте пятнадцати тысяч метров будут заменять „Стреле“ стекло.

Летающее крыло прекрасно плавают на воде, что очень важно при вынужденной посадке в океане. Оно построено так прочно, что может выдерживать шторм любой силы и не переломится на волне. „Небесная стрела“ способна и быстро скользить по морю, потому что газовым струям все равно куда вырваться — на воду или в воздух.

* * *

Переносясь от мечты к действительности, надо упомянуть, что многое из рассказанного уже осуществлено. Летают пассажирские самолеты с искусственным давлением в кабинах, правда, пока на высоте семи-восьми тысяч метров. Истребители с воздушно-реактивными двигателями успешно сбивали немецкие самолеты-снаряды на подступах к Англии.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.		стр.
В школу. Стих. С. Погореловского. Рис. В. Бомаш	1	Рождение города. Стих. Ва. Торопыгина	23
Кутузов. Р. Сот. Рис. И. Григорьянца	2	Валенки. Отрывок из повести Л. Будоговской. Рис. Н. Петровой	24
Волшебная куколка. Сказка В. Вольман. Рис. И. Шабанова	4	Мудрые шутки	27
Осень. Стих. А. Генкиной	6	Из прошлого нашего города:	
Комсомольский значок. И. Иволгин	7	Охта. Н. Назарова. Рис. В. Морозова	28
Таинственный подарок. Повесть Е. Ворониной (продолжение) Рис. В. Семенова	8	Прочти эту книгу „Дерсу Узала“ В. Арсеньева	29
Здравствуй, новый учебный год. Стих. Г. Семенова	12	Шахматы. Отдел совет мастер спорта А. Гербетман	30
Из Ленинграда в Москву на велосипеде. Г. Трифонов	13	Летающее крыло. А. Антрусин	31
Расскажите на пионерском сборе:		Страна слушает Сталина. Стихи А. Суркова. Рис. В. Морозова 2-я стр. обложки.	
Как вести себя. Н. Владимирская и К. Николаева Рис. Г. Фитингофа	14	Игры вечером. Рис. Н. Кострова 3-я стр. обложки.	
Загадка. Перевод А. Шмудляна	16	Решетки Ленинграда. Рис. Е. Померанцевой 4-я стр. обложки.	
Синяя „Галка“. Г. Солодков	17	На обложке рисунок К. Рудакова „За уроками“.	
Мертвый город Хара-Хото. И. Померанцев	18	На вклейке рисунок В. Морозова „Ростральная колонна“.	
Географический календарь. Ис. Слоим	20		
О Аулей, Аулей, Аулей! Расск. В. Бианки. Рис. В. Курдова	21		

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

Непринятые рукописи не возвращаются

Редколлегия: О. Берггольц, В. Воеводин, С. Воинов, Е. Катерли, Ф. Октябрьская, А. Пахомов, Е. Привалова, В. Прянишников, Н. Терebinская, Д. Чевычелов, Н. Штейнварт, Л. Успенский и Г. Яблонская (отв. редактор)

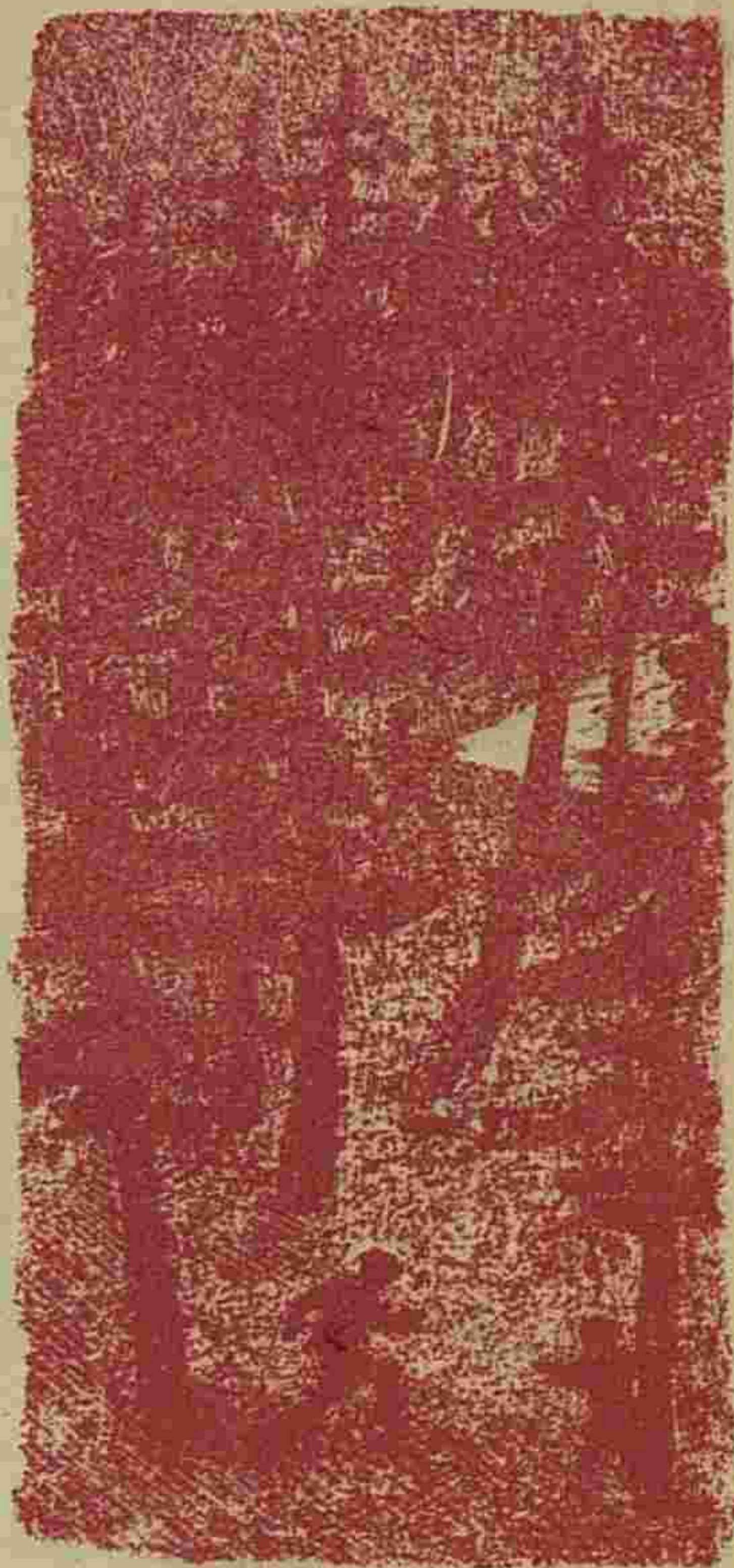
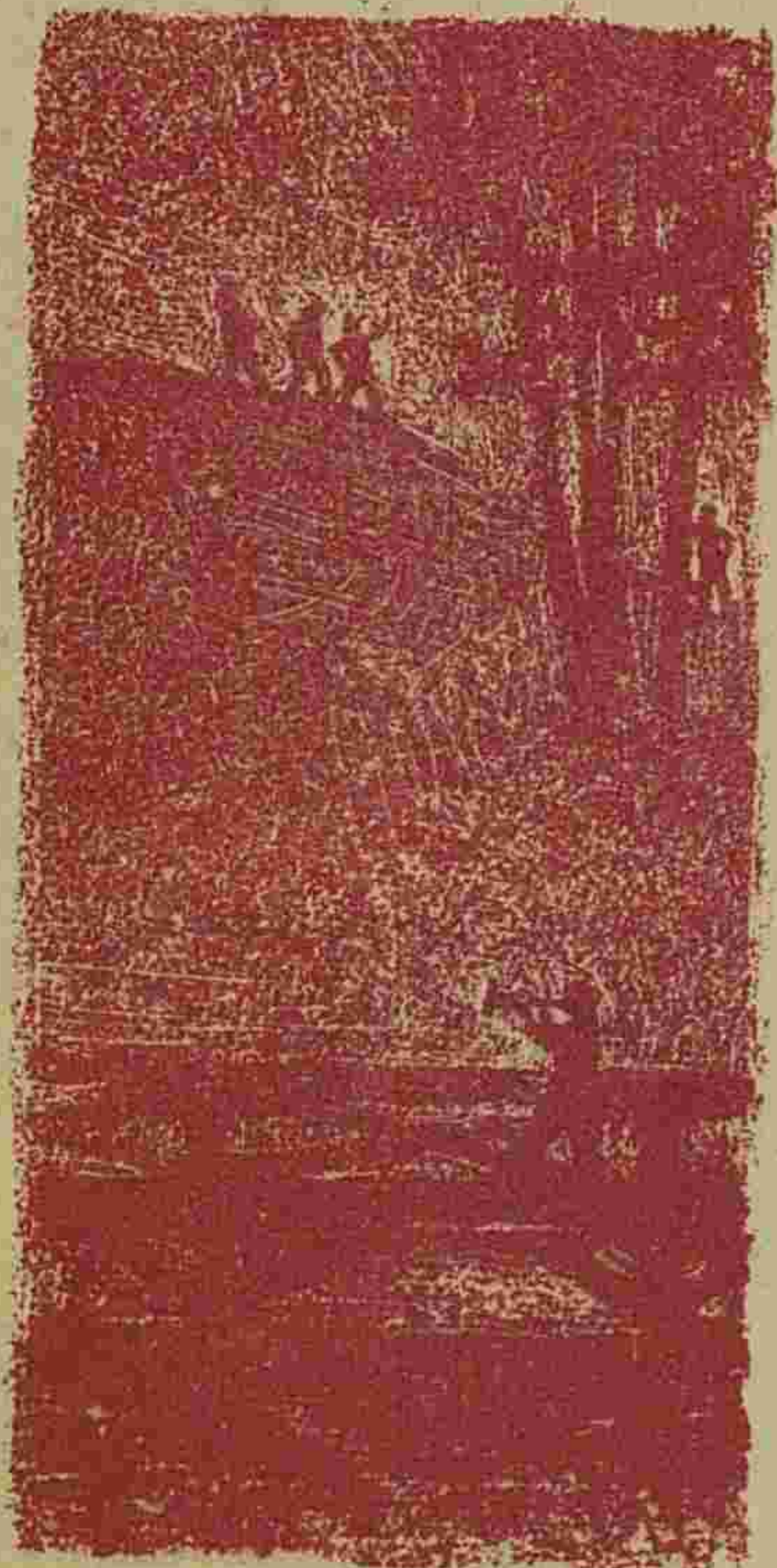
ИГРЫ ВЕЧЕРОМ

С началом осени дни становятся все короче и короче, а темнота наступает все раньше и раньше. Умение ориентироваться в темноте очень полезно. Существует немало интересных игр, которые помогают развивать в себе чувство ориентировки впотьмах.

„Ночной сигнал“. Лучший бегун берет горн и убегает вдаль. Время от времени он подает горном сигнал. Участники игры поодиночке или командами быстрым шагом или бегом устремляются на сигнал. А горнист не остается на одном и том же месте, он уходит по определенному маршруту и подает сигнал то там, то здесь. Выигрывает тот (а если играют в команде, то его команда), кто раньше других обнаруживает горниста.

„Светлячок“ — это игра, во многом похожая на „ночной сигнал“. Бегун „светлячок“ берет карманный электрический фонарик и убегает на расстояние 30—40 метров. Цель каждого игрока, обнаружить „светлячка“, который то и дело дает о себе знать вспышками света, перебегая с места на место.

„Граница ночью“. В саду, среди кустов и деревьев, проходит условная граница, протяжением в 15—20 метров. Ее охраняют трое часовых, вооруженных карманными электрическими фонариками. Остальные игроки пытаются бесшумно перейти рубеж, а часовые должны помешать и не пропустить ни одного человека. Если слышится шорох, часовой освещает фонариком подозрительное место. Обнаруженный игрок при переходе рубежа выбывает из игры. Победитель — игрок, сумевший перейти „границу“.

1946 г.
Акт № 116
Вкладн. л.

РЕШЕТКИ ЛЕНИНГРАДА

90-

29

41

Наш город по праву считается одним из красивейших в мире, но не только улицы и дворцы, арки и памятники составляют славу русского зодчества. Замечательны ленинградские решетки: массивные и, вместе с тем, необычайно легкие, величественные и, вме-

сте с тем, гениально простые. Это о них писал Пушкин: „Люблю... оград узор чугунный“. Каждый день ты проходишь вдоль набережных, мимо садов и каналов. Присмотришься внимательно к нашим рисункам и вспомни: где ты видел эти решетки.

